

Охота на охотника

Автор:

[Андрей Николаев](#)

Охота на охотника

Андрей Николаев

Роман Валерьевич Злотников

Охота на охотника #1

Ричард Сандерс, специальный агент Федерального бюро, не зря заслужил прозвище Счастливчик. Но с новой миссией ему определенно не повезло – мало того что предстоит отправиться на бандитскую планету Хлайб, так еще и в обществе русского десантника с манерами землекопа и внешностью дикого медведя. Само задание тоже не внушало оптимизма: захватить Агламбу Керрора, удачливого и беспощадного космического пирата, который бесследно исчез, скрываясь от правосудия. То есть провести операцию на американской территории по наводке русских, да еще и совместно с ними... Пресса поднимет на смех! Однако дело оказалось нешуточным. Сандерсу и его напарнику Касьяну Полубою пришлось столкнуться с более грозной силой, чем беглый пират, когда-то посягнувший на жизни подданных российского императора...

Андрей Николаев, Роман Злотников

Охота на охотника

Пролог

– ...А к нам как попал?

Второй стюатор отхлебнул зеленого чая, поставил чашку и откинулся на кресле, привинченном к полу. В принципе в таком креплении кресла не было никакой необходимости – гравитационные генераторы лайнера имели почти семидесятипроцентный запас мощности по маневровой нагрузке. Но привинченные к полу кресла дежурной смены являлись святой традицией, которая соблюдалась на кораблях и судах не менее ревностно, чем ритуал крещения в церкви.

– Да у меня свояк в агентстве. Он давно мне хорошее местечко обещал, потому я на каботаже и торчал. Чтобы, если подвернется что стоящее, быть тут как тут.

Дежурный оператор двигательного отсека согласно кивнул. Дежурство, как обычно, обещало быть жутко скучным, а поскольку на лайнере во время дежурства строго запрещалось принимать пищу, играть в 3D и настольные игры (под каковым наименованием скрывались как вроде бы безобидные шахматы, шашки и го, так и карты, кости и все остальное), не говоря уж о более «предосудительном» времяпрепровождении, оставалось только трепать языком. На каком-нибудь другом корабле (кроме военного, естественно) капитан вряд ли бы включил в должностную инструкцию подобный пункт. Просто потому, что экипаж скорее всего его бы просто проигнорировал (первое правило любого нормального руководителя – требуй только то, чего сумеешь добиться), но круизные лайнеры – особое дело. Попасть на «круизник» – мечта любого моряка. Матросы круизных лайнеров – элита гражданского флота. Даже рядовые члены экипажа «круизников» размещаются в двух-трехместных каютах, для экипажа предусмотрен спортзал, бассейн (конечно, не такой, как на пассажирских палубах, но все же), а любой член экипажа получает в два-три раза больше, чем на других гражданских кораблях. Обслуживающий персонал вышколен, а продукты всегда свежие и высшего качества. К тому же «круизники» еще и самые безопасные корабли – их техническое состояние поддерживается в идеальном порядке, а мощность двигателей и компенсаторных систем делает их недостижимыми ни для одного капера или пирата. Еще бы, как правило, пассажирами «круизников» являются такие люди, что иск даже одного из них сможет полностью разорить круизные компании. А если их будет несколько?

– Это да, тут тебе повезло. Попасть на «Куин Дистину» – такой шанс выпадает раз в жизни.

– Вот я об этом и толкую, – оживился стюатор, – а моя вой подняла: «Это ты специально устроил – чтоб от семьи сбежать! По бабам шляться! Там на твоём лайнере только шлюхи разъезжают, которые на любого мужика бросаются, а ты и рад!»

Оператор усмехнулся:

– Да какие тут шлюхи, помещения экипажа полностью изолированы. Даже от обслуживающего персонала.

– Да говорил я ей, – грустно вздохнул стюатор, – без толку все. Слушать не хочет. «Ты все равно найдешь как до баб добраться!» Вообще-то она у меня нормальная баба – хозяйство держит и симпатичная. Все при ней. Только ревнивая больно.

– Это да, – глубокомысленно наморщив лоб, кивнул оператор, – они все такие. Сами на любого мужика заглядываются, а нам ни-ни! Вот черт!!! – Ноги оператора слетели с пульта, а спина резко приняла вертикальное положение. – Это что еще за чертовщина?

– Что? – озадаченно вскинулся стюатор.

– Смотри, второе включение основных двигателей коррекции за последние пятнадцать минут. Что-то тут не так!

Стюатор озадаченно уставился на экраны, заполненные цветными диаграммами и кривыми линиями. Его обязанности заключались в обслуживании трюмных уборочных и ремонтных роботов, поэтому в схемах и диаграммах, высвечивающихся на экране, он мало что понимал.

– А почему?

– Основные двигатели коррекции включаются только при резком изменении курса, причем если требуемое отклонение от курса достигает величины более пятнадцати градусов. А согласно полетной маршрутной карте следующее изменение у нас где-то через восемь часов. Я этим маршрутом уже шестой раз иду, можешь мне поверить...

Стюатор нервно поежился.

– Может, камни?

Оператор раздраженно фыркнул:

– Это тебе не каботажник. Наши радары видят любой опасный камешек часа за два полетного времени, а при такой форе, чтобы обогнуть любой метеоритный поток, достаточно отклонения в доли градуса... Смотри, опять! – Оператор качнулся к пульту, и его пальцы забегали по клавишам. – Надо подключить еще пару сборок контуров охлаждения, а то...

Закончить он не успел. Корабль едва заметно тряхнуло. Стюатор, напряженно вглядывающийся в экраны, заметил, как скачком изменились несколько диаграмм, а самая большая, занимавшая центральный экран, запульсировала тревожно багровым, понимающе кивнул:

– И опять!

Оператор ответил не сразу.

– Это не опять...

Что-то в его голосе заставило стюатора резко развернуться и уставиться на сотоварища. Оператор сидел за пультом, скукожившись и испуганно глядя в потолок зала, за которым, почти в километре над их головами, над всеми пассажирскими палубами размещалась капитанская рубка. Те, кто в ней находился, явно знали о ситуации больше, чем они двое, но, похоже, им это не сильно помогло...

– Это не опять, – сдавленным голосом повторил оператор, – это не коррекция курса. По нам кто-то стреляет...

Они оба не знали, что эти выстрелы были салютом, ознаменовавшим явление цивилизованному миру Великого и Ужасного Агламбы Керрора...

Некоторое время спустя десятки бойких мастеров пера и 3D-камеры бросились по следам «самого ужасного и беспощадного» пирата современности, пытаюсь выяснить, откуда он явился. Однако накопать что-то из ряда вон выходящее не удалось. Где он появился на свет, на какой планете, планетоиде или искусственном объекте – так и осталось неизвестно. Хотя, судя по тому, как он чувствовал себя в невесомости, считалось, что он если и не родился, то вырос где-то на орбитальных шахтах.

Первые его следы обнаруживаются в системе Лунии. Впрочем, через систему Лунии прошла практически вся шваль из числа тех, кто потом оказывался на больших торговых путях. Луния являлась самой большой клоакой обитаемой части рукава. И местом, где сталкивались и завязывались в узел интересы сотен и тысяч самых богатых и влиятельных людей Вселенной. Именно поэтому с ней до сих пор ничего не могли поделаться. Официально Луния считалась зоной, «свободной для поселения», и управлялась Советом шахт. Священной коровой, дающей Совету всю полноту власти, была «Великая хартия вольных шахтеров», документ, являющийся этакой конституцией пополам с декларацией о государственном суверенитете системы. Документ явно анархистского толка, принятый почти семьдесят лет назад на Большой сходке. Ходят слухи, что его отцом являлся сам Князь Кропоткин – личность легендарная, известный террорист и борец за свободу всех от всех, принявший в качестве псевдонима титул и имя исторической личности, действительно существовавшего в XIX веке русского анархиста (впрочем, может, и не было никакого русского анархиста, а все это были выдумки бессовестных журналистов). Согласно легенде, когда Князю уже совсем сели на хвост, ему удалось бежать в систему Лунии, которая в то время не имела никакого юридического статуса и была просто местом, где каждый пытался сколько-нибудь заработать, рубя породу в богатейшем поясе астероидов системы. То есть там не было ни власти, ни порядка, ни юрисдикции. Естественно, преследующие его спецслужбы (а Князь успел насолить не одному десятку государств) несколько расслабились, вполне резонно посчитав, что дело сделано и уж теперь-то ничего не помешает найти и арестовать человека, изрядно насолившего не одному десятку правительств. Тем более что в поясе подвизались с десятков агентств, специализирующихся на розыске и передаче в руки правосудия различных личностей, наивно полагавших, что пояс – лучшее место для того, чтобы спрятаться. Так что можно было бы даже не марать руки, а просто назначить цену, и голову Князя должны были доставить на блюдечке с голубой каемочкой. Но не тут-то было. Буквально в течение полугода из ниоткуда появился Совет шахт, который оперативно собрал Большую сходку, тут же принявшую «Великую хартию вольных шахтеров», ставящую представителей любых организаций, «чья деятельность направлена на лишение человека его

неотъемлемой свободы», вне закона «на всей территории, находящейся под юрисдикцией системы Лунии». Конторы «охотников за головами» были мгновенно вышвырнуты из системы «отрядами шахтерской милиции», а что касается деятельности государственных спецслужб, «Хартия» объявила, что «люди Лунии считают государство первым из угнетателей» и ставят своей высшей целью «соблюдение и ревностную охрану святого права личности на свободу и независимость». И потому люди Лунии будут «яростно бороться с попытками любых организаций навязывать свою волю и свое внимание свободным людям». Это привело к тому, что в системе Лунии до сих пор, спустя семьдесят лет, не было никакой полиции или иных государственных структур, а закон, как в древние времена на матери-Земле, вершился «по праву сильного». Просто все действующие там бандитские кланы формально считались «случайно собравшимся сообществом граждан», то есть все бандитские разборки Совет шахт формально считал «стихийными драками»: мол, собрались не слишком близко знакомые люди в каком-нибудь баре пивка попить, а тут зашли туда еще несколько не слишком близко знакомых людей. И как-то они друг другу не понравились... Оттуда и трупы. Естественно, при таком подходе система Лунии стала настоящим рассадником бандитов и пиратов.

Лет через пять Агламба Керрор уже стал капитаном. Его первый корабль был, как обычно, переоборудован из каботажного транспортника. Сначала Керрор промышлял тем же, чем и другие пираты – мелким грабежом каботажников, налетами на шахты в поясах астероидов планетных систем, грабежами небольших поселений... Однако таким путем не сильно быстро разбогатеешь (если разбогатеешь вообще). Уж больно велика конкуренция, а добыча едва-едва окупает затраты на содержание и ремонт донельзя изношенного корабля. Да и к тому же «добыча», как правило, прекрасно осведомлена об опасности и вооружена не намного хуже, чем «охотник», и огрызается изо всех сил. Поэтому он на некоторое время исчез, а когда появился вновь – выяснилось, что Агламба Керрор решил пойти ва-банк. И, как ему показалось, вытянул козырную карту!

Он сколотил эскадру из нескольких кораблей и начал совершать налеты на крупные круизные суда. Конечно, перехватить круизный лайнер не так-то просто – у этих дур слишком хорошие движки. Поэтому на пиратских судах, которые представляли собой по большей части переоборудованные транспорты или малотоннажные пассажирские суда, угнаться за ними было совершенно невозможно. И оттого «круизники» считались совершенно безопасными в отношении пиратства. Но Керрор все хорошо продумал. Во-первых, когда он вышел на охоту, у него в эскадре уже было пять судов, так что он мог перекрывать всю лобовую полусферу по курсу движения корабля. Во-вторых, два

из них имели движки немногим хуже, чем у «круизников», – от портовых буксиров, так что и возможностей для маневра у добычи оставалось немного. Кроме того, как только Агламба захватил первый лайнер, он запустил схему, позволявшую, как казалось Керрору, полностью обезопасить его «маленький» бизнес. Схема состояла в том, что, захватив и ограбив первый лайнер, Керрор отобрал пару сотен наиболее значительных пассажиров и увез их в неизвестном направлении. Суммарный выкуп, затребованный им за этих людей, составил почти восемьдесят миллионов соверенов. Однако даже получив выкуп, Агламба не отпустил заложников, а сначала захватил следующий лайнер и, лишь набрав заложников с него, отпустил часть предыдущих...

Спустя год Агламба Керрор оказался на первых полосах всех сетевых агентств. Некоторые считали его порождением ада, некоторые бичом Божьим, посланным напомнить богатым и знаменитым, что их жизнь на весах Господа – всего лишь мимолетный прах. Пифия Маглоб, секс-символ компании «Уорнер Бразерс» и самая скандальная звезда современности, публично объявила, что, если он прекратит пиратствовать и отпустит заложников, она готова провести с ним «безумную ночь любви». Самые маститые журналисты искали его внимания и были готовы на любые жертвы, лишь бы заполучить его в свои программы. Он казался мессией, титаном духа, гением преступного мира, человеком, посрамившим силовые структуры самых могучих государств...

Механизм казался безупречным. Керрор заботливо сохранял свой пул заложников, задерживая некоторых из них на два, а то и на три последующих захвата, тщательно следя, чтобы в составе заложников в равной мере присутствовали государственные мужи, денежные мешки и личности, крайне популярные у публики, а его эскадра продолжала грабить «круизники».

И все было бы у него нормально, если бы он вовремя остановился. Да, заложники давали ему некую страховку, но всякая страховка эффективна до поры до времени. Ну сколько народу летит в круизном лайнере – человек семьсот, ну пусть тысяча, а людей, которые могут себе это позволить или хотя бы задумываются об этом – сотни тысяч. И все они хотят безопасности. Поэтому уже после третьего захвата правительство Содружества Американской Конституции было вынуждено отправить корабли на поиски базы Агламбы Керрора. И хотя сначала кораблям было приказано искать не особо шибко (опасаясь за жизнь уже захваченных «особо важных персон», которых еще надеялись освободить без излишнего шума и потерь), после четвертого захвата ситуация изменилась в корне. И тут Агламба решил показать, кто в доме хозяин. После того как

патрульная эскадра перехватила и взяла на бордаж два корабля из его эскадры, Керрор захватил очередной «круизник» и устроил показательную бойню.

На его несчастье, треть пассажиров этого лайнера оказались подданными русского императора. Наверное, Керрор и сам перепугался, когда старший абордажной группы приволок ему паспорта зарезанных и расстрелянных пассажиров, однако дело было сделано. Колесо фортуны повернулось к Керрору другой стороной. Ровно через два дня после той бойни русский император объявил его «лицом, оскорбившим императора», и перед Агламбой тут же закрылись все двери. Банки, где были открыты его секретные счета, на которых после всех путешествий по транзитным счетам, дебетовым картам и кофрам с наличностью оседали денежки от продажи награбленного и денег за заложников, тут же обнародовали их номера. Скупщики краденого принялись отбрыкиваться от имущества, предложенного Керрором, как черти от ладана. Самые верные его агенты публично объявляли о том, что они по тем или иным причинам ранее сотрудничали с Агламбой, но теперь «глубоко раскаиваются в содеянном и отдадут себя в руки правосудия». Два оставшихся корабля его эскадры самостоятельно прибыли на Нью-Вашингтон и, заглушив двигатели на парковочной орбите, объявили, что готовы принять представителей властей «для обсуждения вопросов, связанных с осуществлением правосудия». Что ж, это было вполне объяснимо. Надо было быть полным идиотом, чтобы поссориться с русским императором. Русские могли бы считаться во всех отношениях цивилизованным народом, если бы не их совершенно славянское отношение к возмездию. Если кто-то или что-то вызвало их неудовольствие настолько, что они решали, будто сие деяние можно расценить как «оскорбление Императора», то всё – все законы забывались напрочь, все международные договоры отправлялись побоку, все возможные экономические и иные потери отшвыривались в сторону как бесполезный хлам, и озверевший русский медведь выходил на БОЛЬШУЮ ОХОТУ. И не дай боже попасться ему под горячую лапу! Мир затаил дыхание, ожидая скорой кровавой развязки. Прежний кумир ничтоже сумняшеся был превращен в «блюдо» для нового развлечения. Все жаждали зрелища!

Однако на этот раз охота не принесла никаких результатов. Агламба Керрор исчез. Авианосные эскадры бороздили космос, стаи эсминцев засовывали чуткие носы радаров в самые глубокие дыры, но пирата нигде не было. Он будто провалился в черную дыру. И мало-помалу накал поисков ослаб. Эскадры вернулись к местам базирования, эсминцы и крейсера оттянулись поближе к своим базам. Разочарованная публика, сначала прикипявшая к экранам в

ожидании скорых новостей, начала переключать каналы на другие шоу.

Но все понимали, что русский медведь так ничего и не забыл. И стоит, пусть не сейчас, пусть спустя десять, двадцать, сто лет, когда-нибудь Агламбе Керрору вновь появиться на горизонте, шерсть на загривке этого маскирующегося под цивилизованного зверя мгновенно встанет дыбом и он вцепится в горло своему врагу со всей своей первобытной свирепостью.

Глава 1

Сандерс получает задание

Сделав очередной шаг, он неожиданно перестал ощущать твердь под ногами и ухнул в густую жижу, которая на Промашке кое-где заменяла нормальную почву. Хотя ему не впервой было встречать опасность лицом к лицу, инстинкт самосохранения заставил закрыть глаза – уж больно неприятно было наблюдать, как за прозрачным забралом шлема поднимается уровень болота. Его моментально засосало почти по самую шею, и быть бы ему очередным «сухим утопленником» этого мира-ловушки, да только в самую последнюю секунду перед тем, как провалиться в болото, он рефлекторно вцепился ребристой поверхностью перчатки в свисающую с вершины плакучего ротанга одиночную плеть. Под весом человека плеть растянулась почти до предела и тем не менее продолжала каким-то чудом удерживать голову Дика на поверхности. Но, увы, простора для маневра у него не было. Он с трудом выпростал из грязи свободную руку и набросил на ветвь петлю портативного коммуникатора. Вообще-то этот прибор предназначался совсем для иных целей, но в сложившейся ситуации из него могла получиться вполне сносная лебедка. И все наверняка прошло бы гладко, стоило включить на сматывание катушку, но в этот момент он ощутил легкое прикосновение к плечу. словно нежные женские губы пробежались по обнаженной коже. Хотя какая обнаженная кожа может быть в скафандре высшей биологической защиты? Дика охватила паника – все на Промашке знали о «поцелуе смерти», который дарило своим жертвам только одно-единственное живое существо в разведанной части галактики, а именно паучья змея из юго-восточных трясин этой «гостеприимной» планеты. Надо же было случиться довольно редкому событию в практике: смертельно опасная гадина вздумала подняться на поверхность рядом с барахтающимся человеком...

Так или иначе, но осталось каких-нибудь пять-шесть секунд до того момента, когда тело скрючит от судорог, из саднящего рта повалит кровавая пена, а перед глазами, если не врет преподобный Мак-Гиверн, возникнет ангел, чтобы сопроводить к райским вратам...

- Эй, дорогой! - услышал Дик словно сквозь вату.

Он отмахнулся от наваждения - паучьи змеи не умеют разговаривать, но голос продолжал настаивать:

- Ну давай же, открывай глазки!

Шесть секунд прошло, но судороги все еще не наступали. Это было неправильно, и значит, с этим следовало разобраться. Дик напрягся и попытался открыть вроде как уже открытые глаза... Никакого забрала на голове не обнаружилось, равно как и тесных объятий скафандра. Не наблюдалось и мерзкой трясины, также как грязно-серых пейзажей, подернутых мелкой сеткой непрекращающихся ни на секунду дождей малопривлекательной планеты Промашки. Не было свисающей с невероятной высоты плети плакучего ротанга. А также смертоносной паучьей змеи. Не было ничего из того кошмара с планеты Промашка, который приснился Ричарду Сандерсу... Вокруг царил лишь мягкий полумрак шикарной спальни двухкомнатного съюта одного из самых дорогих отелей «Майти Новус» на совсем другой планете - Ривьере-4, славящейся своими уютными песчаными пляжами, солнечной погодой и лучшим гостиничным сервисом среди всех миров американского сектора влияния.

Слева раздался манящий шелест, и Сандерс повернулся на другой бок. В непосредственной близости от огромного сексодрома, на котором Сандерс и вынырнул из коварной западни Промашки, роскошная платиновая блондинка натягивала чулки на стройные ножки. Больше на ней ничего не было.

- Ну наконец-то, - торжествующе произнесла она, заметив пробуждение партнера, - проснулся-таки!

Дик расслабился. Вот дьявол, это был просто ночной кошмар... Он еще раз, с искренним удовольствием, окинул взглядом одевающуюся женщину. Как же ее зовут? Амалия, Глэдис, Сэнди? Дик принялся лениво перебирать женские имена в алфавитном порядке, пытаясь определить, какое из них подходит блондинке,

но так и не смог сделать правильный выбор. Голова после вчерашнего гудела, как пивной котел, – не стоило так злоупотреблять крепкими коктейлями вперемешку со «стар-хайникеном». Но, хвала звездам, глобус сильно напрягать не пришлось – красотка сама пришла ему на помощь:

– Неужто, мой сладкий, ты не хочешь поцеловать свою Веру на прощание?

– Ну-у-у, – промычал Дик, окидывая соседку по постели уже более внимательным взглядом.

Черт, он вчера так набрался, что никак не мог вспомнить, где и как он ее подцепил. Но как говорится, мастерство не пропьешь – похоже, ему удалось подцепить самую шикарную женщину вчерашнего вечера (в этом отеле контингент менялся постоянно, и, появившись на следующий день, можно было не обнаружить вчерашнюю подружку, зато глазам представала дюжина новых кандидаток). Так что здесь все было в порядке. Вот только подробностей явно бурной ночи он припомнить не смог. А значит, следовало тут же освежить впечатления...

– Да, я... очень даже хочу поцеловать свою Веру... и знаешь, не только поцеловать!

Он скользнул в ее сторону, схватил красотку за гибкую талию и резко потянул на себя. Вера с удовольствием взвизгнула, отчаянно взбрыкнула смуглыми ножками и, хохоча, очутилась на ложе – она понимала правила игры. Потом наступил черед сладостных минут, до предела заполненных возней, придыханиями и приглушенными стонами, которые завершились к обоюдному удовольствию пароксизмом блаженства...

Чуть позже, жадно вдыхая ароматную смесь нововенерианской травки пополам с синтетической нирван-пыльцой, Дик поинтересовался, поглядывая в потолок, под которым плавающие клубы разноцветного дыма складывались в объемные композиции:

– Слушай, куколка, а что означает твое «на прощание»? Разве мы уже надоели друг другу?

Девушка недоуменно посмотрела на него:

– Ты что, уже забыл?

– А что я должен был помнить? – переспросил Счастличик, нежно поглаживая ее по коже в том месте, где после бурного оргазма проявилась так называемая «экстрим-татуировка», которая обычно была не видна и о ней мог знать только любовник. Такие украшения в последнее время вошли в моду среди любителей острых ощущений. Обычно женщины выкалывали пульсирующее сердечко, пробитое стрелой, или коротенькую вспыхивающую надпись типа «Ай лав ю», «Ай нид ю» или «Кисс май дарлинг». Но Вера, похоже, соригинальничала – на коже, сохранившей свою ослепительную белизну из-за того, что она, как видно, принадлежала к той части женского населения Содружества, которая считала, что след от трусиков на золотистой от загара коже выглядит более пикантно, чем ровный загар, свернулась кольцом зеленая змейка. И не просто свернулась, а кусала себя за хвост.

– Ну ты нахал! – Вера ущипнула Дика за руку. – Нельзя так явно показывать женщине, что ты пропускаешь ее слова мимо ушей! – Тут она иронично улыбнулась. – Хотя вы, мужчины, всегда так поступаете... Я тебе уже говорила вчера вечером, когда мы поднимались в твой номер. Вчера пришла светограмма. У моего босса возникли какие-то затруднения. К тому же слимы стакнулись с глюкерами, и он хочет, чтобы я перестала загорать на солнышке и вернулась на службу. Так что, мой сладкий, я покидаю Ривьеру ближайшим рейсом, регистрация на который, – она бросила быстрый взгляд на настенный таймер, – заканчивается через час двадцать.

– Может быть, полетишь следующим? – поинтересовался Дик, пропустив мимо ушей жаргонные словечки, которых никогда прежде не слышал, ибо уже прикидывал в уме, кого из перспективных кандидатур наметить на вечер. Когда наступал неизбежный момент разлуки, он легко расставался с женщинами. Правда, эта крошка чем-то затронула его за живое и расставаться вот так, после первой ночи, не было никакого желания.

– Я бы с удовольствием, но мой босс немотивированной задержки не поймет.

– Ты такая незаменимая? Интересно, в какой области? Послушай, а чем занимается малышка Вера в свободное от отдыха время?

Вера прижала свой палец к губам Счастличика.

- Но я же не спрашиваю, чем занимается малыш Дик!

Он расхохотался. Сандерс ценил в людях, а в женщинах особенно, чувство полной самодостаточности. Похоже, это не столько он вчера снял Веру, сколько она решила устроить себе славную ночьку «с этим красавчиком». И никаких обязательств и пустых надежд.

- Все, сдаюсь, сдаюсь!

Он попытался увлечь ее повторить пару поз из «Камасутры», но Вера покачала головой:

- Увы, мой сладкий, наш скоротечный роман подошел к своему эпилогу.

- Надеюсь, он пришелся тебе по душе?

- Кто?

- Не кто, а что. - Ричард напустил на свое мужественное лицо значительный вид и крепко прижал девушку к груди. - Эпилог нашего романа.

Она не сразу, но все же отстранилась.

- Да, единственное, о чем следует пожалеть, так это о его скоротечности. Ну а теперь, ради звезд, отпусти меня. Нужно еще отдать распоряжения кибербою, пусть отнесет мой багаж на корабль.

Дик демонстративно спрятал руки за спину. Вера покинула ложе, собрала разбросанную по полу одежду, поправила перед зеркалом волосы и здесь заметила лежащий на каминной полке коммуникатор. Многозначительно оглянувшись на Дика, который до этого момента с удовольствием наблюдал за всеми манипуляциями любовницы, девушка набрала на микроклавиатуре какой-то текст.

- Это что, прощальная любовная записка? - лениво поинтересовался Счастливчик, который, если говорить честно, не любил, когда трогали его

интимные вещи.

– Я не любительница записок, тем более занесенных в чужую электронную память. Просто если как-нибудь тебе вспомнится этот милый уголок и захочется связаться со мной, наберешь код, который оставляю на память.

С этими словами она накинула на себя одежду и покинула номер.

Сандерс еще пару минут понежился в постели, припоминая последние полчаса, к тому же чуть погода в памяти всплыло еще несколько приятных эпизодов из прошедшей ночи, а затем поднялся и проследовал в душ.

Спустя десять минут он вышел на лоджию своего номера и бросил взгляд на бирюзовый океан, кое-где расцвеченный разноцветными мазками прогулочных яхт и катамаранов. Итак, роман закончился, да здравствует новый роман! А чем еще прикажете заниматься на курортной планете, полной всяческих соблазнов, половозрелому мужчине в расцвете сил и энергии, правда, слегка уставшему от постоянных треволнений на службе и заслужившему хотя бы месяц полноценного отдыха? А индивидуальный код, оставленный в коммуникаторе, он сотрет позже. Встречаться с бывшей партнершей по курортному сексу он не собирался: вряд ли Вера будет также хороша в обычной обстановке, как была на Ривьере-4. По жизни Счастличик неукоснительно следовал нескольким принципам, которые были призваны облегчать ему жизнь, и один из них звучал так: «Никогда не пытайся дважды войти в одну и ту же реку». Его действие можно было распространить также и на курортные романы.

Он вернулся в номер, заказал легкий завтрак из омлета с таирским салатом, ростбифа и бокала зоммельдарского вина и выпустил в потолок клуб разноцветного дыма, похожего на кочан брюссельской капусты. До конца отпуска оставалось еще две недели, и надо постараться, чтобы они прошли с максимальной пользой. Сандерс не собирался ни на йоту отступить от того образа плейбоя – прожигателя жизни, который избрал для себя на все время пребывания на Ривьере-4, постаравшись получить от этого максимум удовольствия и... терапевтического эффекта. Ради справедливости следовало признать, что куколка с редким именем Вера весьма этому способствовала. До нее он уже окучил тут с полдюжины кисок, возьмем хотя бы тех же Амалию, Глэдис или Сэнди по прозвищу Сдоба, но Вера...

Думал ли когда-нибудь выходец из многодетного пуэрториканского семейства, что к тридцати пяти годам станет постояльцем самых фешенебельных отелей на самых модных курортах и будет проводить время с самыми роскошными куколками, которые сами лезут к нему в постель? Как уже говорилось, женщины не играли в его жизни какую-то важную роль, они просто были одной из сторон его жизни. Внешней вывеской того образа, который Ричард предпочитал надевать «в свете». Крутая тачка, солидный счет в банке и женщина, рядом с которой не стыдно появиться в приличном обществе. Но его спутница ни в коем случае не должна была быть одной и той же на протяжении хотя бы года. Потому что нет на свете ничего более разрушительного, чем женщина. Она может обрушить твою жизнь сильнее, чем тропический тайфун, землетрясение или биржевой кризис. Он понял это в тот момент, когда с замиранием сердца ждал приезда парамедиков, чтобы они избавили несчастную Бланку-Исабель от судорожных конвульсий... С тех пор он не подписывался на долгосрочную связь.

Счастливчик усмехнулся.

И все-таки Вера чем-то его зацепила... Занятная девчонка. Умна, в меру стервозна, остроумна. Опять же не требовала от своего ухажера никаких признаний в любви, никаких клятв верности, которые так обожают романтические барышни при неизбежном расставании с красавцем Сандерсом, обладателем атлетической фигуры и внешности этакого рокового латиноса-любовника (смуглая кожа, нос с горбинкой, чувственный рот), каковое сочетание способно свести с ума любую бабенку, у которой сердце сделано не из силикона. А если к прочим достоинствам Счастливчика добавить ярко-синие глаза, доставшиеся этому образцовому мачо по какому-то капризу генетики, то становилось понятно, что он был настоящей угрозой для большинства прелестниц, которые вселились в «Майти Новус» в один период с Сандерсом.

Через полтора часа сытый, облаченный в сетчатую майку и шорты, он объявился возле первой лунки, где уже маялся кибербой с клюшками для гольфа. Вчера днем Сандерс принял приглашение сыграть партию с влиятельным сенатором, с которым свел знакомство еще в Нью-Вашингтоне. Джек Ширра возглавлял один из узковедомственных подкомитетов и по долгу службы частенько общался с Уильямом Вилкинсоном. Почему последний изменил своему обычному правилу и представил одного из своих агентов (причем лучших) одному из тех, от кого сам же рекомендовал всегда держаться подальше, – можно было только догадываться. Впрочем, вполне возможно, дело было в том, что Дику уже давно не помешало бы завести свое собственное «прикрытие сверху». Уж слишком

много влиятельных людей имели зуб на Счастливого. Что ж, в любом, даже в самом демократичном обществе всегда найдутся люди, чьи интересы, пусть всего лишь на каком-то этапе их жизни, пойдут вразрез с интересами общества. И как раз для того, чтобы это «вразрез» не нанесло столь уж большого вреда, существуют люди, подобные Вилкинсону, Сандерсу и их коллегам... Сам Ширра тоже был совершенно не прочь завести дружеские контакты с одним из наиболее успешных агентов Бюро. Так что, столкнувшись вчера случайно в вестибюле, они обменялись радушными приветствиями и тут же договорились устроить товарищеский матч один на один.

Поскольку Ширра задерживался, Дик решил немного потренировать руку. Он вытащил из держателя кибербоя свою любимую клюшку номер 8 и уже было направился к тренировочной зоне, как его сканирующий, иначе не скажешь, взгляд миновал невысокую изгородь, отгораживающую поле от открытого бассейна, и уперся в живописную брюнетку, отдыхающую в шезлонге. Загорелая до шоколадности кожа, густая копна блестящих волос цвета вороного крыла и удивительно пикантный бюст. К сожалению, ее глаз не было видно за поляроидными очками, но то, что они в этот момент были направлены на Счастливого, не вызывало никаких сомнений...

Вот и достойная смена Вере.

К сожалению, возле брюнетки постоянно крутился какой-то долговязый субъект. Вот и сейчас он пристроился в соседнем шезлонге. В том, что это не законный супруг, Дик мог дать стопроцентную гарантию. Глаз у него на такие вещи был наметан.

Тем временем брюнетка приподняла очки, и Дик похвалил себя за проницательность, поскольку его предположение оказалось верным. «После ланча обязательно займусь этой цыпочкой», – решил он.

– Мистер Сандерс! – раздался у него за спиной чей-то голос. Совсем как сегодняшним утром. С одним лишь отличием – на этот раз голос был мужским. Точнее, квазимужским, ибо не отличался обилием обертонов.

От неожиданности Ричард повернулся.

Перед ним подобострастно изогнулся посыльный кибер.

– Чего тебе? – недовольно поинтересовался Счастличик.

Вместо ответа андроид раскрыл ладонь с кристалликом изумрудного цвета.

Дик досадливо сморщился. Все-таки они его достали! Вообще-то эта поездка тоже в какой-то мере являлась заданием Бюро. После Промашки психологи Бюро констатировали наличие у агента Сандерса психологической травмы, иногда проявлявшейся в виде коротких ночных кошмаров. И ему было предложено пройти курс психологической реабилитации в одном из центров психологической помощи. Но Дик встал на дыбы. После недели упорных препирательств с начальством Дику удалось отстоять свое право на индивидуальный реабилитационный курс в виде отпуска на шикарных курортах Ривьеры-4. Конечно, здешние отели были ему не очень-то по карману, но это должен был стать первый полноценный отпуск агента Сандерса за последние пять лет. Так что почему бы и не шикануть?

– Красная линия, сэр! – со значением произнес посыльный.

– Когда пришло сообщение? – спросил Дик, лихорадочно просчитывая, дадут ли ему сыграть матч.

– Только что, сэр.

Даже здесь, на фешенебельных пляжах самого модного курорта последнего десятилетия, где развлекались финансовые тузы и их политические шестерки, работникам связи не часто доводилось иметь дело с сообщениями «красной линии», связывающей гиперпочтой напрямую Ривьеру-4 с правительственными офисами Нью-Вашингтона.

Дав киберу четвертак, Ричард покрутил в пальцах кристалл и ловким движением вставил себе в ухо.

Послышалось тихое жужжание – началась декодировка донесения согласно индивидуальным особенностям организма-приемника, потом прямо в мозгу Счастличика раздался знакомый голос:

– Вылетай первым же рейсом. Дядюшка очень плох. Подробности при личной встрече.

И все. На кристалле, способном вместить в себя всю библиотеку Конгресса до последней брошюры, больше ничего не было.

Одно слово – гиперпочта.

До предела лаконично.

До предела безлично.

Отпуск сорван, а кто тому причина, оставалось только гадать. Теперь понятно, почему Ширра опоздал на матч и наверняка вообще не придет. Думается, его уже оповестили об ухудшении здоровья «дядюшки».

Да, теперь надо подумать, отчего ему так поплохело.

Раз в кристалле об этом ни гугу, попробуем догадаться сами.

Дело явно не связано с Халифатом – Сандерс не знал тюркского, а без знания языка нечего туда и соваться. Вряд ли здесь замешаны новояпонцы с их тягой к высоким технологиям – основательным образованием Дик похвастать не мог, ибо в Дабл-Принстоне больше напирал на барьерный бег и флирт с первокурсницами, чем на технические дисциплины. Вряд ли речь могла зайти и про таирские претензии на спорный кусок соседнего бесхозного сектора – для решения задач такого рода полно костоломов и без Счастливики. Нет, скорее всего он понадобился в связи с продлением лицензии на отстрел кого-нибудь из лидеров Черной Триады, могущественной террористической организации, раскинувшей свои щупальца по всей освоенной части галактики. После того как Дик без особых осложнений сумел убрать Хью Дзон Хвана – второе лицо хавангской преступной группировки, его стали считать главным специалистом по антитеррору. Впрочем, чего зря напрягать извилины, поживем – увидим.

Он с сожалением – увы, не судьба – в последний раз окинул брюнетку с ног до головы и встретился с ее очень и очень заинтересованным взглядом. Сандерс улыбнулся. Впрочем, на утренний рейс, на котором улетела Вера, он уже

опоздал, а до вечернего еще почти четыре часа...

Глава 2

Мичман его величества

Дик припарковал машину у парадного входа (серебристая капля «Форда-Дилейни» последней серии неплохо смотрелась рядом со стилизованным кипятильником взметнувшегося ввысь на 64 этажа центрального корпуса) и вошел в здание штаб-квартиры Федерального бюро. На входе перед турникетом он подставил кибер-охраннику зрачок своего правого глаза под хобот сканера, чтобы тот беспрепятственно мог сличить отпечаток сетчатки с образцом, хранящимся в базе данных. Спустя мгновение из динамика раздался обезличенный голос:

- Все в порядке, мистер Сандерс, можете пройти!

Редкие случайные посетители удивлялись тому, что охранный комплекс Бюро все еще использовал столь древние системы доступа. Ведь во всех общественных зданиях давно уже использовались мощные комплексы дистанционного контроля, совершенно не мешавшие людям. Так, некоторые датчики были вмонтированы прямо в дверные ручки и успевали провести сканирование отпечатков пальцев за долю секунды, пока пользователь нажимал на ручку, чтобы открыть дверь, другие, сканировавшие сетчатку, были встроены в передние зеркальные поверхности дверей. Никто и не подозревал, что система контроля доступа в Бюро едва ли не на порядок сложнее и надежнее всех этих необременительных комплексов. Поскольку аппаратура анализировала не только саму сетчатку, но и добрый десяток иных параметров, в том числе и структуру движения тела, наклоняющегося к сканнеру...

Элегантные стеклянные дверцы турникета (0,5 дюйма прозрачного поликарбоната, выдерживающего выстрел из оружия ручного калибра) плавно распахнулись. Теперь Дикун предстояло преодолеть обширный и пустой холл с мозаичным белоголовым орланом на полу, окруженным пальмовыми ветвями и словами девиза Бюро: «Беречь и защищать!». Осталось всего-навсего подойти к зеркально отполированным дверям лифта (трехдюймовая бронебойка,

армированная углеродными нитями), улыбнуться киберлифтеру (не улыбнешься – он и пальцем не пошевелит!) и спуститься на четыре этажа, чтобы потом отмерить полста шагов до заветной двери приемной, где за клавиатурой дисплея коротает время мисс Элизабет Сюзен, цербер в образе блондинки. Пышные формы Сюзен, заставлявшие мужиков бросать на нее плотоядные взгляды, а женщин ревниво кривить роты, скрывали отнюдь не излишнюю плоть, а накаченные мышцы специалиста по ближнему бою. А пухлые губки прятали острый язычок. Так что Сюзен не следовало подставляться ни под захват, ни под горячую руку. Впрочем, у Сандерса с Сюзен были совершенно особые отношения...

– Привет, Сюзи! – Дик протянул культуристке цветок магнолеандра, который сорвал перед самым отлетом.

– Добрый день, мистер Сандерс! Как отдохнули?

Сандерс замер. От тона его старой партнерши по тайнобуду веяло такой холодностью, что если бы Сандерс сейчас держал в руках стакан виски, ему не было бы никакой необходимости добавлять лед...

– Н-неплохо. Шеф у себя?

– У себя.

На этот раз тон понизился еще на пару градусов. Да-а, похоже, в Бюро грянули какие-то уж слишком большие изменения... Впрочем, предпринимать что-то, не выяснив хотя бы приблизительные причины происходящего, не стоило. Поэтому Дик только растянул губы в резиновой улыбке и двинулся в сторону двери кабинета.

– У мистера Вилкинсона посетитель, сэр. Извольте подождать.

Сандерс насторожился. Теперь тон слегка потеплел. Похоже, что причина внезапного охлаждения Сюзен находилась по ту сторону двери. Сандерс мысленно усмехнулся. Сюзи тащилась от крупных мужчин, которых не удавалось с первого раза уложить на татами. А через руки Сюзи прошла вся мужская составляющая коллектива центрального офиса. Сандерс стал пользоваться ее некоторым расположением как раз потому, что оказался единственным из всех,

кто сумел выиграть первую схватку. Сейчас счет их поединков перевалил за полста, и ему удавалось поддерживать более-менее ровный баланс побед и поражений. Что и обеспечивало ему те самые особенные отношения с секретарем-телохранителем шефа... Интересно, что за горилла сидела сейчас в кабинете шефа?

Нельзя сказать, что ожидание сильно затянулось. Спустя пару минут раздался голос шефа, усиленный наружными динамиками:

- Сюзен, лапочка, Сандерс объявился?

- Так точно, сэр.

- Пусть зайдет.

Едва Ричард переступил порог кабинета, ему сразу стала понятной необычайная холодность Сюзи. Ну и глыба! На двухместном диванчике, скромно сложив ручки на коленях, возвышался детина ростом далеко за два метра, одетый в строгий серый костюм с галстуком, не слишком-то гармонизировавшим с цветом рубашки. Но Сандерс отметил это как-то автоматически, ибо никакая цивильная одежда на этой помеси гризли и санторианского боевого дракона не могла выглядеть гармонично. Попробуйте выкрасить престижным вишневым металликом тяжелый танк. А теперь отхромировать ствол и гусеницы. Ну и еще обтянуть ложементы экипажа тончайшей кожей «конноли» и отделать рубчатые рукоятки многофункционального штурвала полированными вставками из корня ореха. И что получится? Вот нечто подобное возвышалось сейчас перед шефом на его просторном двухместном диване, каковой смотрелся под сидением этого «нечто» как тесноватое креслице. Но что было гораздо обиднее, этот мордovorot при появлении Счастливого повел себя самым невежливым образом. А именно – не обратил на его появление никакого внимания. Вид у незнакомца был слегка осоловелый, словно он дремал с открытыми глазами, как это свойственно всем здоровякам, когда они коротают перерывы между подзаправками. Так что в глазах Дика он сразу обрел статус не только уроды, но и записного хама.

Вилкинсон окинул его придирчивым взглядом и едва заметно шевельнул левым веком. Никто посторонний не заметил бы этого движения, недаром одним из неофициальных прозвищ шефа было Железная Маска, но Сандерс слишком

долго работал с ним, чтобы не научиться различать вот такие едва заметные сигналы. Этот означал, что Сандерс прибыл вполне вовремя, выглядит вполне нормально и пока еще не успел никак навлечь себя его неудовольствие.

Шеф повернулся к гостю и негромко произнес:

– Знакомьтесь, мистер Полубой, это специальный агент Дик Сандерс.

Детина молча поднялся с взвизгнувшего натруженными пружинами диванчика, сделал шаг вперед, разом преодолев добрую треть кабинета, и протянул лопатообразную ладонь.

– Мичман Касьян Полубой, – с акцентом произнес он на стар-инглише, – Флот Его Величества.

«Угу, Флот Его Величества... Русские, значит. Однако далече этого морячка занесло, – прикинул Дик, пожимая лопату. – Видно, до средоточия цивилизации из своего медвежьего угла на перекладных добирался». К русским Ричард особой симпатии не питал, и эта неприязнь могла показаться смешной, поскольку проистекала из довольно комичной ситуации. На первом курсе Дабл-Принстона он как-то раз попал в компанию к русским аспирантам, прибывшим из какой-то русской губернии или города со смешным названием Тьму-та-ра-ка-нии по обмену опытом. Как-то вечером они предложили ему «скушать по граммулке водочки». Дик как раз собирался на свидание с одной девчонкой, которую обхаживал почти полтора месяца, и потому немного нервничал, так что это предложение показалось ему хорошей возможностью снять стресс. Щас!!! На свидание он так и не попал, а от того вечера у него остались какие-то смутно кошмарные воспоминания о том, как эти парни доставали одну за другой бутылки со странным названием «Камергерская» из картонного ящика, разливали по странным многогранным посудинам и закусывали разбухшими огурцами жуткого вида... Дело кончилось жутчайшим отравлением (ему двое суток промывали желудок в университетской клинике), тем более обидным, что русские навестили его в изоляторе и принесли с собой бутылку все той же «Камергерской». Когда один из аспирантов радостно вытащил ее из своей сумки с возгласом: «Сейчас мы тебе здоровье-то поправим!» – Дику стало плохо. Тогда он пришел к выводу, что аспиранты, видимо, по природной злобе либо еще по каким-то своим непонятным Сандерсу причинам, поставили перед собой задачу известить молодого пуэрториканца. И лишь гораздо позже он узнал, что «прием на грудь» – один из самых распространенных видов спорта на территориях,

подведомственных императору...

Вот только что этот урод делает в кабинете шефа? Если это курьер русских (а кем еще мог быть простой мичман), то место ему в курьерском отделе или максимум в кабинете заместителя начальника департамента информации, но никак не в кабинете директора Бюро. А если нет... но додумать эту мысль Сандерс не успел.

– Специальный агент Сандерс будет сопровождать вас на Хлайб. – Голос шефа был предельно спокоен и доброжелателен, но Счастливчик ошарашенно замер. На Хлайб? В эту клоаку, только номинально числящуюся в американском секторе?

Пока все эти мысли проносились в голове Ричарда, русский медленно повернул голову и окинул его спокойным, но явно оценивающим взглядом:

– Мистер Сандерс бывал в Развалинах?

Шеф едва заметно усмехнулся:

– Мистер Сандерс бывал во многих местах. Награды за его голову объявили несколько террористических организаций, в том числе хванги. – Шеф сделал паузу, давая возможность русскому сделать вывод из этой информации.

Русский, не отрывая взгляда от счастливого, медленно кивнул. И шеф продолжил:

– На Хлайбе он не был.

Русский вновь кивнул, его взгляд сделался совершенно равнодушным, и он отвернулся. Но плохо он знал Вилкинсона.

– Поэтому существует очень большая вероятность, что там его никто не знает.

Русский на мгновение задумался, а потом снова кивнул. И шеф нанес последний удар:

– Кроме того, в нашем Бюро он носит неофициальное прозвище Счастличик.

Русский вновь перевел взгляд на Ричарда и несколько мгновений рассматривал его уже с гораздо большим интересом. Ну еще бы, в подобных конторах всегда очень серьезно относятся к вроде бы столь эфемерным вещам, как везение, и иметь на своей стороне человека, который статистически доказал то, что к нему благоволит удача... Вот только прозвище «Счастличик» частенько дают единственным выжившим в проваленных операциях. И сейчас он, похоже, пытался понять, к какой из категорий Счастличиков относится Сандерс. К счастью, он был достаточно сообразителен, чтобы осознавать, что никто не собирается делиться с ним подробностями секретных операций Бюро, в которых участвовал специальный агент Сандерс. Поэтому он растянул губы в вежливой улыбке и, протянув Дику руку, произнес все с тем же непоколебимым спокойствием:

– Буду рад работать с вами, мистер Сандерс.

Шеф благосклонно кивнул:

– Вот и хорошо, мистер Полубой. Где вы устроились?

– В «Генерале Шермане».

Мистер Вилкинсон вежливо кивнул, но по едва заметно дрогнувшей брови Счастличик понял, что его несколько удивил избранный русским отель. «Генерал Шерман» был заведением недешевым, но кто его знает, какие у русских командировочные. В Империи всегда благосклонно относились к людям в погонах, не то что в этих богом стукнутых демократиях...

– Вы уже пообедали?

Русский молча качнул головой. Шеф понимающе кивнул:

– Прошу прощения, но нам с агентом Сандерсом надо кое-что обсудить, тем более что он только что прибыл и пока не в курсе наших с вами секретов, так что... если вы не против, я знаю, кто составит вам компанию. – Он наклонился к коммуникатору и негромко позвал: – Сюзи!

- Да, мистер Вилкинсон! - Тон Сюзи был сух и деловит.

- Ты уже была на ленче?

- Нет, мистер Вилкинсон. - На этот раз в голосе боевого секретаря прозвучали нотки надежды.

- Тогда ты не могла бы составить компанию нашему гостю?

- Конечно, мистер Вилкинсон. - А вот сейчас голосом Сюзи можно было бы заправлять пышки вместо меда.

- Вот и отлично... - Шеф поднялся с кресла и протянул руку русскому: - Не смею вас больше задерживать.

Русский поднялся, аккуратно пожал протянутую руку и двинулся в сторону двери. Глядя в его широченную спину, Сандерс внезапно ощутил приступ острой неприязни. Этот приступ был совершенно иррационален. В конце концов, он никогда даже не пытался серьезно подкатиться к Сюзи (в конце концов, надо быть полным идиотом с микроскопическими мозгами, расположенными к тому же не в голове, а в головке, чтобы подкатываться к секретарю шефа без каких-то серьезных намерений). Но то, как просто этот громила вытеснил Ричарда из головки боевой секретарши, вызвало в нем какую-то совершенно детскую обиду и горечь.

- Садись, Ричард.

Голос шефа заставил Ричарда оторваться от созерцания захлопнувшейся двери...

Сандерс толкнул крутящуюся дверь ресторанчика «У старого кэбмена» и огляделся. В том, что Сюзи поведет русского именно сюда, он был уверен - этот ресторан был ее любимым местом для ленча. Никаких новомодных штучек, вроде парящих столиков или голографических рыбок, плавающих между посетителями, и не дай бог киберофицианты. Все чинно, достойно и прилично. Еду и напитки подают приветливые девушки в костюмах черт знает какого века. Предполагается, что того самого, когда в Лондоне в качестве такси были

двухколесные коляски, влекаемые лошадью. Особый колорит обстановке придавали тележные колеса, сбруи и фотографии лошадей, развешанные по стенам. Когда Сюзи привела Сандерса сюда впервые, он неудачно сострил, что не хватает только запаха лошадиного пота, навоза и пучков соломы под ногами. Целый месяц после этой остроты крошка Сюзи была с ним холоднее айсберга, а ее расположение значило много – кто, кроме нее, мог предупредить о настроении шефа и намекнуть, пусть и туманно, о предполагаемом направлении очередной командировки?

Любимый столик секретарши возле окна был пуст. Сандерс вопросительно приподнял бровь, но тут встретился взглядом с серыми глазами русского. Он и Сюзи сидели в самом темном углу, причем мичман спиной к стене, что было само по себе похвально – он мог видеть как входящих в ресторан, так и дверь кухни, а Сюзен расположилась напротив него. Острый взгляд резанул Сандерса, пробежался по фигуре, потом Полубой уставился в тарелку и продолжил что-то хлебать из нее. Сюзи сидела спиной к Сандерсу и пока не видела его.

«Хоть бы кивнул, что ли, – раздосадованно подумал Дик, – а то посмотрел как на пустое место». Он не торопясь направился к столику, на ходу привлек внимание бармена и поднял палец – как обычно, Пит. Бармен кивнул. Этот молчаливый диалог происходил у них всякий раз, когда Сандерс появлялся в ресторанчике – он считался здесь уже завсегдаем и мог позволить себе вот так, походя, заказать аперитив.

Русский как раз отодвинул глиняную миску и вытер губы салфеткой. Миска была чиста, будто он вылизал ее досуха. «Здорово ты проголодался, парень», – про себя усмехнулся Сандерс. Он чуть поклонился мичману:

– Не помешаю?

– А-а, Дик. Привет. – Сюзи бросила в его сторону мимолетный взгляд.

По ее чуть туманному взгляду Дик понял, что русский уже завладел ее сердцем настолько прочно, что прежние друзья отошли на второй план. Во всяком случае, пока.

– Чем сегодня угощают? – Сандерс опустился на свободный стул.

– Касьян заказал луковый суп, две порции, двойной бифштекс и пиво, а я салат – хочу похудеть.

«Ах, он уже „Касьян“, а не „мистер Полубой“ или „господин мичман“, – с досадой подумал Дик. – Резвый парень. Не успел появиться, как уже покорила малышку. Интересно, чем? Молчаливостью или аппетитом? А может, тем, что русский?» В молчанку Сандерс и сам мог поиграть – почему-то молчаливых уважают больше, чем болтунов. По крайней мере, интерес они вызывают больший. На аппетит он не жаловался, хотя две миски супа и двойной бифштекс за ленчем – многовато. А что касается национальности... тут уж ничего не поделаешь. Если Сюзи потянуло на экзотику, придется отступить. На время, конечно. На время. Рано или поздно она поймет, что в штанах у мужиков одно и то же – что у русских мордovorотов, что у стопроцентных американцев. Ну а какой за этим последует выбор, Дик не сомневался. Все-таки Сюзи воспитана в демократической стране, а не в какой-то там империи.

– Ваш martini, сэp. – Сандерс благосклонно кивнул официантке и сделал обычный заказ – минеральная вода «Перье-Америк», говяжий стейк с молодым картофелем, кофе.

Русский расправлялся со второй миской лукового супа, и хотя ел он аккуратно, чувствовалось отсутствие светского лоска, который проявляется хоть за столом, а хоть и в обычной дружеской пьянке. Ложка была зажата в кулаке Полубоя, будто он собирался по меньшей мере рыть ею окоп, а не есть суп. И брови он поднимал всякий раз, поднося ложку ко рту, словно удивлялся ее содержимому.

Сюзи тихонько вздохнула. Дик искоса посмотрел на нее. Секретарша млела. Сандерс залпом допил martini, пожевал маслину и выплюнул ее в бокал. Обычно он проглатывал косточку – говорят, что косточки маслин хорошо влияют на потенцию, – но сегодня был слишком раздражен. Да и какая к черту потенция, если в ближайший месяц, а то и полтора, о пикантных приключениях можно забыть. Во-первых, на Хлайбе времени на любовь просто не будет, а во-вторых, если бы время и нашлось, Сандерс слишком дорожил своим здоровьем, чтобы рискнуть подцепить неизвестную болезнь. В том, что на Хлайбе все болезни неизвестны официальной науке, Дик был уверен стопроцентно – репутация космической помойки, которой обладал Хлайб, закрепилась за ним давно и прочно.

Принесли заказ Сандерса и русского. Полубой настрогол бифштексы крупными ломтями, залил кетчупом и принялся сосредоточенно пережевывать.

Дик отрезал ломтик стейка.

– Как вам здешняя кухня? – поинтересовался он.

Полубой поднял от тарелки тяжелый взгляд, между его густых бровей залегла глубокая складка. Можно было подумать, что вопрос Сандерса заставил его серьезно задуматься. Подождав ответа, Дик чуть заметно пожал плечами и отправил в рот кусочек мяса. Одно из двух: либо русский – редкостный тугодум, либо просто невоспитанный человек.

Полубой проглотил прожеванный кусок бифштекса. Если судить по времени, которое он затратил на его обработку зубами, кусок должен был превратиться в молекулярную субстанцию. Кадык дернулся на его мощной шее. Дик представил, как пища, сопровождаемая спазмами пищевода падает в желудок, и внутренне содрогнулся.

– У нас есть поговорка, мистер Сандерс, – сказал Полубой, уставясь Дику в переносицу, – когда я ем – я глух и нем. – Подцепив на вилку очередной кусок, мичман отправил его в рот. И снова его челюсти принялись методично крушить волокна говядины.

– Какая прелесть! – воскликнула Сюзи. – Я теперь тоже буду молчать за едой.

– Слава богу, что в ближайшее время наши совместные ленчи отменяются, – пробормотал Сандерс.

– Что?

– Прекрасная поговорка, говорю. – Дик вытер губы салфеткой и отхлебнул минеральной.

Черт знает что! Даже аппетит пропал.

...Конечно, он еще при первом взгляде на русского понял, что ужиться с ним будет трудно. Когда он исчез за дверью кабинета шефа и они остались вдвоем с Вилкинсоном, Дик попытался высказать свои сомнения в целесообразности работы с русским, да еще на Хлайбе, но шеф только пожал плечами.

– Я все прекрасно понимаю, старина. – Иногда он позволял себе держаться с агентами запанибрата. Правда, панибратство было односторонним. – Однако вопрос согласован там, – шеф поднял палец к потолку, – и тебе придется потерпеть его общество. Виски?

– Со льдом, если можно.

– Не переживай, Дик, надеюсь, долго это не продлится. – Вилкинсон подал ему бокал, на два пальца наполненный «Чивас ригал».

Сандерс вздохнул, поболтал кубики льда в бокале и поднес его ко рту.

– И чем таким мы должны заняться в этой клоаке?

– Захватить или уничтожить Агламбу Керрора.

Поперхнувшись, Сандерс вылил половину виски на подбородок и рубашку.

– Спокойно, мой мальчик, спокойно.

– Шеф, – сказал Сандерс, откашлявшись, – как вы себе представляете нашу работу на Хлайбе? В паре с русским, который говорит на языке, вышедшем из употребления полвека назад, с манерами землекопа и с внешним видом только что вылезшего из берлоги медведя? При взгляде на его костюм...

– Костюмы на Хлайбе не в ходу, – улыбнулся Вилкинсон, – там все больше носят такие отрепья, что смотреть противно. А внешний вид... Ну что ж, если местная шпана из уличных банд хотя бы раз поостережется липнуть к вам при виде мистера Полубоя, то это компенсирует его недостатки. К тому же информация о том, что Керрор находится на Хлайбе, пришла именно от русских. И наверху оценили то, что они не полезли на Хлайб самостоятельно, а вполне корректно обратились к нам.

Сандерс понимающе кивнул. Хлайб действительно чисто формально принадлежала к американскому сектору. Свои делишки там проворачивали все кому не лень. Поэтому если бы русские затеяли там свою операцию и если бы в ней было задействовано два-три авианосных соединения, то президент скорее всего ограничился бы парочкой дипломатических нот по поводу недопустимости нарушения суверенитета территории Содружества, ну и выторговал бы под это дело у императора какие-нибудь еще торговые привилегии. На этом бы все и кончилось. Но вместо этого русские предпочли официальный путь. И высоколбые политиканы отвесили ответный реверанс, отдуваться за который придется Бюро и лично Сандерсу.

Ричард вздохнул, покачал головой, допил оставшийся виски и отставил бокал, давая понять, что готов к инструктажу.

– Прежде всего – легенда, – начал шеф. – Историю освоения Хлайба помнишь?

– В общих чертах.

– Не беда, – отмахнулся Вилкинсон, – освежишь вечером. Материалы тебе уже подобрали. Итак, по легенде вы – археологи...

Дик, кивая в нужных местах, слушал шефа. Собственно, никакого другого прикрытия, кроме археологии, на Хлайбе быть не могло. Нет, конечно, был вариант: два любителя острых ощущений решили потратить деньги на поиск экзотического способа самоубийства, но финансирование такого проекта обошлось бы Конторе на порядок дороже. А так как все знали, что археология повсеместно финансируется весьма скупно, можно было обойтись минимумом инвестиций в такое сомнительное дело, как поиски Керрора. Сандерс уже понял по намекам шефа, что от него не ждут, что он будет рвать последнюю рубаху, помогая русским. Хотя это и так было понятно. Поймать Керрора на вроде как американской территории по наводке русских, да еще и совместно с ними... Бюро потом долго придется отплевываться от ехидных статей в прессе и саркастически сформулированных запросов оппозиции в Конгрессе.

Сандерс отвлекся от своих размышлений и вновь сосредоточился на том, что говорил шеф. Итак, археологи... После открытия Хлайба ООН собиралась объявить его историческим заповедником – уже при первичном осмотре развалин мегаполиса были обнаружены следы нескольких цивилизаций,

наслоившиеся один на другой. Строительство города велось слоями, причем ни один не был похож на другой и идентифицировать принадлежность хотя бы к одной известной цивилизации ученые так и не смогли. Вся беда заключалась в том, что Хлайб располагался хоть и на окраине, но в секторе, находящемся под протекторатом Содружества. Пока высоколобые мужи потирали руки в предвкушении исторических открытий, на планету хлынули частные компании, предприниматели, авантюристы и сопутствующие им отбросы демократического общества. А что делать? Как говорили в старину: у нас свободная страна. Когда ООН опомнилась, объявлять Хлайб заповедником было уже поздно – двести тысяч поселенцев были готовы отстаивать свое право на освоение свободных территорий с оружием в руках. Так было еще в эпоху освоения Дикого Запада на старушке Земле, так осталось и в век заселения внеземных колоний.

Единственное, что смогли сделать Объединенные Нации, это добиться запрета на свободное ношение оружия на Хлайбе. Впрочем, и на этот раз, как обычно, Объединенные Нации просто проштамповали сложившийся порядок вещей, поскольку в том, что запрет действительно выполнялся, заслуги этого громоздкого сонмища надувшихся от собственной значимости бюрократов не было никакой. Просто в единственном на Хлайбе городе, в силу до сих пор необъясненного феномена, использование любого вида порохового или энергетического оружия вызывало необъяснимый катаклизм: так называемое схлопывание пространства. В зоне от нескольких ярдов до нескольких десятков ярдов от эпицентра происходили необратимые изменения любого вещества на молекулярном уровне, и все находившееся в зоне катаклизма превращалось в пыль. Зоны схлопывания кочевали по всему мегаполису, и даже самая отпетая шпана, не говоря уже о серьезных мафиозных кланах, контролирующих весь бизнес на Хлайбе, придерживалась мнения, что лучше выяснить отношения кулаками или холодным оружием, чем вывернуться наизнанку и осесть на пол первичной материей.

– ...наш посол, – продолжал Вилкинсон. – На большую помощь рассчитывать не стоит, но обрисовать обстановку он сможет. Как-никак, Ян Уолш сидит там уже пятнадцать лет и, можешь мне поверить, очень плотно там устроился. Ну да все материалы по Хлайбу получишь в отделе информационного обеспечения.

Вопросы?

– Когда вылетать?

– Завтра. – Вилкинсон взглянул на часы. – Прямого рейса на Хлайб нет, так что маршрут разработаешь сам. Я думаю, ты еще успеешь принять участие в ленче с

мистером Полубоем и Сюзен. Присмотрись к нему, попробуй завязать дружеские отношения. Этот парень, похоже, из числа расходного материала – кулаки у таких гораздо крупнее мозга. Сведения о нахождении Керрора на Хлайбе непроверенные, и мичман, по-моему, прибыл с единственной целью: удостовериться, что сведения верны. Отловом Керрора, вероятно, будут заниматься другие, более подготовленные в умственном отношении и, естественно, не в одиночку. Но постараться поладить с этим парнем будет неплохо. Может быть, сможешь выудить из него что-то полезное...

...Гулко глотая, Полубой опорожнил кружку пива, вежливо рыгнул в ладонь и с сожалением оглядел пустой стол. Сандерс, отхлебнув кофе, раскурил сигару и покосился на Сюзен. Секретарша с явным сожалением поднялась.

– Господа, мне, к сожалению, пора. – Она подала мичману руку ладонью вниз.

Полубой, приподнявшись, подержал ее руку в своей.

– Спасибо за компанию, – словно нехотя выдавил он и плюхнулся на стул.

– Мистер Сандерс. – Сюзен холодно кивнула Дику. Наверняка она сожалела о его присутствии.

Сандерс, обернувшись, проводил ее глазами. Русский сидел, впериw тяжелый взгляд в столешницу. Покачивая полными бедрами, Сюзен прошла к двери, оглянулась и, увидев, что мичман уже забыл о ее существовании, гордо вскинула подбородок и вышла из ресторана.

– Очаровательная девушка, не правда ли? – спросил Сандерс.

Русский вылуцил зубочистку из бумажного пакетика, поковырялся в зубах и сплюнул на пол кусочек мяса. Пауза затягивалась.

– Если вы согласовали все вопросы с начальством, то через два часа прошу ко мне, – наконец сказал Полубой, – скоординируем наши действия. Как я понял, отлет завтра в три по-местному. – Он внимательно проверил счет, отсчитал деньги, добавив десять процентов на чай, и поднялся из-за стола. – До встречи, мистер Сандерс.

– Всего доброго, мистер Полубой. – Дик натянул на лицо самую радостную улыбку.

Глава 3

Странные зверушки и странные люди

«...Как и у некоторых сцинков, настоящих ящериц и гадюк в период вынашивания плода образуется подобие плаценты млекопитающих, то есть пример так называемого истинного живорождения. Для классификации риталусов выделен отдельный вид – *ritalus serpentes*, что вызвано затруднением классификации животных по принадлежности к одному из известных видов. Ареал обитания – высокогорные районы планеты Луковый Камень. Существенные отличия от местных животных по строению ДНК затрудняют проследить эволюцию риталуса. Повышенный метаболизм...»

Сандерс прогнал файл вперед. Чего он никогда не любил, так это читать или не дай бог изучать научные труды.

«...в неволе не приручаются. Стоит отметить местные суеверия о возможности симбиотического сотрудничества с риталусом, основанного на первичном „запечатлении“: якобы риталус, подобно многим животным, считает своей матерью первое увиденное после рождения существо. Привязанность риталуса в таком случае носит характер подчинения по стайному признаку, общение с „матерью“ осуществляется на ментальном уровне, не требующем звуковых, визуальных или кинестетических контактов. Поскольку проверка данного факта не представляется возможной, к нему следует относиться как к одному из проявлений фольклора».

Сандерс криво улыбнулся – не далее как три часа назад он был свидетелем чего-то похожего как раз на ментальный контакт.

«Охота на риталуса и отлов запрещены. Риталус чрезвычайно опасен при любых контактах, поскольку повадки животного не изучены. Местными охотниками отмечается ярко выраженная способность риталуса к мимикрии. При нападении

рекомендуется сохранять неподвижность. Любое движение может быть расценено как угроза. Внимание! Бронежилеты и скафандры любых видов не гарантируют необходимой защиты. Чрезвычайно прочная чешуя, необоснованно быстрая для животного мира реакция, а также мускульный потенциал, соответствующий животным, на несколько порядков превышающим массой риталуса, делают его исключительно опасным при контактах. Динамическое усилие челюстей соответствует приблизительно двадцати тоннам на квадратный дюйм. Избегать мест обитания, а также территорий, на которых возможно присутствие данного вида».

– Никогда не собирался на Луковый Камень, а теперь меня туда и вовсе не заманишь, – пробормотал Сандерс, отключая комп.

Он постучал в дверь номера, который занимал мичман Полубой, ровно через два часа после того, как они расстались. За прошедшее время Сандерс уже успокоился и свыкся с мыслью, что русского придется терпеть какое-то (хотелось бы, чтоб не слишком продолжительное) время. А что касается дружеских отношений... видит бог, он сделал все что мог... Дик вернулся в гостиницу, принял душ и, надев халат, подключил к компу полученный в отделе информационного обеспечения кристалл.

Ничего нового он не почерпнул, но хотя бы имел представление, где им с Полубоем придется работать. Когда пришла пора идти на встречу с навязанным напарником, Сандерс был готов, в общих чертах, конечно, предложить русскому несколько вариантов поиска следов Керрора. Дик переоделся в темный костюм – дело шло к вечеру, спрятал кристалл в карман и двинулся на встречу.

На стук никто не отозвался. Сандерс постучал погромче. Подождав некоторое время, он убедился, что коридор гостиницы пуст, вынул универсальный ключ-карту и вложил ее в щель приемника. Замок щелкнул, Сандерс нажал ручку и вошел в номер.

Справа, из приоткрытой ванной комнаты, слышались плеск воды и невнятное мычание. «Очень хорошо, – подумал Сандерс, – небольшой щелчок по носу господину Полубою явно не помешает». Дик решил расположиться в холле, приготовить себе выпивку и там и встретить хозяина номера – одетый человек всегда имеет психологическое преимущество перед голым. Пора уже поставить

на место этого увальня.

Сандерс осторожно, чтобы не щелкнула магнитная присоска, прикрыл за собой дверь, обернулся и замер. Прямо перед ним на полу сидели две непонятные зверюги. Размером чуть больше фокстерьера, с забавными треугольными мордами и черными бусинами глаз. Их можно было бы принять за собак, если бы не матовая чешуя, покрывавшая крепкие тела. Они сидели как собаки, поджав задние лапы; маленькие ушные раковины торчали на голове, будто половинки радарных антенн. Сандерс чмокнул губами – он еще не забыл курс в академии Конторы, на котором обучали искусству обращения с животными. Главное – двигаться плавно и медленно, хотя две такие крохи вряд ли что сделают. Ну шум поднимут, ну попытаются схватить за брюки... Сюрприз, естественно, не получится, но хотя бы то, что Дик вошел в номер и мог, при желании, спокойно пристрелить Полубоя, должно немного сбить горор с мичмана. Сандерсу много не надо – пусть русский будет чуть повежливее и не строит из себя крутого парня. В конторах, аналогичных той, в которой служил Дик, других ребят не держат и не надо об этом лишний раз напоминать.

Сандерс слегка наклонился вперед и протянул руку. Будто радуга блеснула перед глазами. Он моргнул. Зверушки рассредоточились, причем он не уловил движения, которым они отпрянули друг от друга. Просто только что они сидели рядом и вот уже припали к полу, с двух сторон надвигаясь на Сандерса. Он медленно выпрямился и опустил руку. Звери замерли. То один, то другой выбрасывал из сжатой пасти длинный язык, продолжая сверлить Дика черными глазками. До него только сейчас дошло, что в командировку, подобную этой, никакой агент, русский или американец, не возьмет ни кошку, ни собаку, ни тем более подобных тварей, даже если он в них души не чает. Сандерс нащупал лопатками дверь, мечтая о том, как бы выбраться из номера, но только сделал движение, чтобы достать карту-ключ, как ящерицы опять припали к полу. Сандерс разозлился. Оружия при нем не было – лучевик он оставил в гостинице, но вибронож, как обычно, прятался в петле за воротником рубашки между лопаток. Дик стал медленно поднимать руку. Обе зверюги забили в пол толстыми короткими хвостами, одна из них сжалась в комок, в приоткрытой пасти матово блеснули треугольные клыки, и Сандерс сдался. Расслабившись, он привалился спиной к двери. Оставалось только ждать, когда русский закончит водные процедуры. Через минуту шум воды прекратился. Зверушки, как по команде, повернули головы к ванной комнате, затем развернулись и, неслышно скользя по полу, исчезли в холле. Из ванной выглянул Касьян Полубой.

– Проходите, мистер Сандерс. Располагайтесь. Вас не тронут.

– Сердечно благодарен. – Дик постарался вложить в слова весь имеющийся в наличии сарказм и прошел в холл.

Оглядевшись и не обнаружив ящериц, он налил себе бренди, уселся в кресло и независимо вытянул ноги. Что ж, и проигрывать тоже надо уметь.

Он уже приканчивал бренди, когда в комнату вошел мичман Полубой. Он был абсолютно гол и нимало этим не смущался. Не обращая внимания на гостя, он принялся рыться в объемистой сумке, лежавшей на кровати. Если в костюме он выглядел здоровяком, то без одежды представлял незабываемое зрелище. Сандерсу захотелось немедленно раздеться и посмотреть на себя в зеркало. Он подавил сомнительное желание, четко осознавая, что сравнение будет не в его пользу. Мичман не походил на культуриста или на тяжелоатлета. Есть люди, которым физическая сила дана от рождения, и Полубой относился именно к ним, ну а специфика работы сделала его тело сухим и поджарым. Ни капли жира, лишь узловатые мышцы, сплетения сухожилий и грация. Природная грация, которой обладают крупные хищники.

Облачившись в пятнистые штаны и странную майку в горизонтальную голубую полосу, Полубой уселся в кресло напротив Сандерса и вперился в него из-под бровей тяжелым взглядом.

– Что это за милые зверушки охраняют ваш покой? – спросил Дик.

Полубой поднялся из кресла, прошел в спальню, принес портативный комп и поставил его на журнальный столик.

– Мистер Вилкинсон говорил, что вы проработаете нашу легенду и маршрут, – сказал он.

– Извольте. – Дик достал кристалл и вставил его в комп.

Над столиком возникла голографическая проекция Хлайба. Полубой откинулся в кресле, погладил квадратный подбородок и вопросительно взглянул на Сандерса.

– Город Хлайб расположен на одноименной планете, – начал Сандерс монотонным голосом, бессознательно подражая экскурсоводам или преподавателям, которым наплевать, дойдет материал до слушателя или нет, – самоназвание – Город Пяти Башен. Освоение планеты началось около двухсот лет назад...

Поневоле принимая немногословную манеру русского общаться, Дик старался говорить кратко и по существу. Его пальцы бегали по клавиатуре, и голограмма мегаполиса послушно поворачивалась вокруг своей оси. Упомянув о запрете носить личное оружие, Сандерс сделал короткую паузу, ожидая вопроса, но поскольку мичман промолчал, продолжил:

– Хлайб – это так называемая «свободно ассоциированная территория». Там нет губернатора, а официальными представителями «народа Хлайба» являются «мэры Верхнего города», хозяева так называемых Башен. Причем никто... – («Возможно, кроме Яна Уолша», – мелькнула у Сандерса мысль), – до сих пор не понял, действительно ли это независимые хозяева или просто чьи-то марионетки. Скажем, боссов преступных кланов Нижнего города или кого-то еще. Каждая Башня представляет собой если не отдельную республику, то город это уж точно. Мэр каждой башни совершенно независим, у него своя полиция, свои суды, инфраструктура и так далее и тому подобное. Главное должностное лицо Содружества – посол Содружества по особым поручениям, каковым в настоящий момент является мистер Ян Уолш. – Тут Сандерс позволил себе короткую усмешку. – Уж не знаю, как у него это получается, но по финансовым вопросам споров не возникает – отчисления в казну, а следовательно и налоги, переппадающие в федеральный бюджет от Хлайба, поступают регулярно. – Тут Сандерс позволил себе усмехнуться более язвительно. – Если бы не это, вряд ли центральное правительство Содружества терпело Хлайб в том виде, в котором он существует. Официальный доход большинства жителей Башен составляет инопланетный туризм и организация так называемых «археологических экспедиций». Кроме того, существует определенная прослойка, специализирующаяся на сомнительных финансовых операциях, но эти господа не афишируют свою деятельность, хотя занимают одно из главных мест в иерархии общества. В ближайшем секторе галактики Хлайб – самый большой центр развлечений. Легализовано там буквально все, начиная от проституции и кончая тараканьими бегами...

Полубой все так же задумчиво смотрел на голограмму, и Сандерсу оставалось лишь гадать, слышит его мичман или спит с открытыми глазами.

- Второй слой Хлайба имеет название Нижний город. Все, кто не смог уцепиться за деньги, крутящиеся в Башнях, орудует там. Развлечений в Нижнем городе еще больше, чем в Верхнем, и они, естественно, на порядок отстают в смысле легальности от развлечений, предлагаемых в Башнях...

- Наша легенда и предполагаемый маршрут? - прогудел Полубой.

Сандерс не спеша встал, налил себе содовой и, только усевшись в кресло и отхлебнув, в свою очередь спросил:

- О каком маршруте, позвольте узнать, идет речь?

- Для поисков Агламбы Керрора.

- Боюсь, уважаемый мистер Полубой, вы себе не очень ясно представляете, что нам предстоит. В Хлайбе почти десять миллионов жителей, а зарегистрированных не более трех с половиной миллионов. Они могут пожелать сотрудничать с нами, а могут и отказаться.

- Вы предъявите документы вашего департамента.

- И тогда нам останется только собрать вещи и улететь первым рейсом по домам. С правительственным чиновником, да еще из секретной службы, на этой планете не захочет общаться никто. Разве что наш консул и губернатор планеты. Ну допустим, эти три с лишним миллиона согласились поговорить с вами, но это наиболее законопослушные граждане. Как вы полагаете, могут они знать хоть что-то о местонахождении международного террориста, разыскиваемого всеми цивилизованными планетами?

Полубой подвигал челюстью и снова перевел взгляд на голограмму.

- Итак, нам остается попытаться счастья в Нижнем городе, а также в Каналах. Что за отбросы живут в Каналах, можете себе представить по тому, что располагаются они на уровень ниже Нижнего города. Задача: опросить несколько миллионов человек с целью выяснить местонахождение Керрора. Я не хочу показаться паникером, но задачу вам поставили невыполнимую.

– Нам поставили. – Слово «нам» Полубой подчеркнул, давая понять Сандерсу, что они в одной упряжке. – У меня есть приказ, и его надо выполнить, – веско сказал он. – Наша легенда?

Дик вздохнул и закатил глаза. Ничем этого дуболома не проймешь!

– По легенде, подготовленной в нашем ведомстве, мы – археологическая экспедиция Таирского университета. Цели и задачи записаны на этом кристалле. По пути на Хлайб у нас будет возможность изучить материал. Исключительно поэтому на Хлайб мы летим через Таир. Если кому-то захочется проверить двух археологов, то в базе данных университета он найдет все необходимые сведения. Если вы удовлетворены нашим разговором, я бы хотел откланяться – нужно уладить кое-какие дела перед командировкой.

– До свиданья, мистер Сандерс, – сказал Полубой, поднимаясь из кресла.

К удивлению Дика, он даже протянул руку для прощания. Ладонь у русского была под стать фигуре – сухая и жесткая, будто покрытая акульей кожей. Проводив Сандерса до двери, он отомкнул ее своей карточкой и, распахнув настежь, сказал:

– Наше название животных, о которых вы спрашивали, вам ничего не скажет. По международной классификации видов флоры и фауны этот вид имеет название риталус.

– Благодарю. – Сандерс коротко кивнул и покинул номер.

Дик никогда не оставлял интересующие его вопросы без ответов и поэтому, вернувшись в гостиницу, вызвал информаторий и набрал на клавиатуре название зверьков, так ему досадивших.

«Риталус (*ritalus serpentes*), один из вновь открытых видов животных, у которых, как и...»

Спустя десять минут Сандерс налил себе двойную порцию виски без содовой и выпил залпом, как лекарство. Знакомый врач как-то сказал, что небольшие дозы алкоголя помогают успокоить расшатанные нервы. До сих пор рецепт доброго

доктора не подводил Ричарда Сандерса...

Путешествие на Таир доставило Счастливику мало удовольствия. Однажды ему пришлось возвращаться с задания на транзитном корабле, перевозившем странников то ли на какой-то праздник, то ли в паломничество по святым местам. Посудина была из тех, что если не разваливаются на старте, то гробятся при посадке. Выбирать, однако, не приходилось – на хвосте висели члены секты Семи Лун, главаря которых Сандерс ликвидировал. Весь корабль с паломниками пропах невымытыми телами и дезинфекционными растворами. Жили по двадцать человек в каюте, и если кто-то из верующих не мог заснуть ночью, вся братия вскакивала с двухъярусных коек и принималась бить поклоны, обращаясь к образу святого, висевшему над дверью. Сандерсу приходилось следовать их примеру, иначе могли лишиться похлебки, которую выдавали два раза в день.

Через неделю полета, на короткой остановке на одном из транзитных перегрузочных терминалов, во время которой на судно взошли еще несколько десятков богомольцев, Сандерс с трудом смылся с корабля и заявился в Контору прямо в тех отрепьях, которые служили одеждой большинству паломников. Он был бос, а в руке у него был корявый посох, на который он опирался. Если прибавить к этому неряшливую бороду, всклокоченные волосы и красные от недосыпания глаза, то можно только удивляться, как его не задержали в городе. Сенсоры охраны пропустили его беспрепятственно, киберлифтер принял страдальческий оскал за улыбку и доставил на четыре этажа вниз.

До сих пор Сандерс с удовольствием вспоминал лицо Сюзи, когда он, постукивая посохом, вошел в приемную. Замешательство секретарши длилось всего несколько мгновений, но при желании за это время Сандерс вполне смог бы нейтрализовать и ее, и собственного шефа. Опомившись, Сюзи окутала посетителя силовым коконом, а через семь секунд в двери приемной уже вломилась охрана. Дик к этому времени упал на колени и, молитвенно сложив руки, истово клал поклоны, обращаясь к двери в кабинет шефа.

Тогда Сандерс был моложе на пять лет и позволял себе некоторые вольности. К тому же ему очень хотелось показать этим конторским крысам, что значит настоящий полевой агент и в каких условиях иногда приходится работать. Как бы то ни было, выговор ему вlepили, однако двухнедельный отпуск предоставили без промедления.

Не сказать, что нынешний рейс, которым они с Полубоем добирались до Таира, напомнил Сандерсу полег в наполненном паломниками ковчеге, но что-то схожее было. Корабль кишел переселенцами – Республика Таир, помимо собственных планет, энергично осваивала еще десяток новых миров, а потому рабочие руки требовались как никогда. Летели целыми семьями, и поэтому в коридорах корабля было не развернуться от скачущих, бегающих и визжащих детей, которых постоянно искали их матери, тоже не сдерживающие эмоций в поисках любимого чада. Отцы семейств и холостяки оккупировали все три бара корабля, и чтобы пробиться к стойке и получить выпивку, приходилось ждать по полчаса. Сандерс и Полубой жили на разных палубах, и это было единственное, что примирило Сандерса с всеобщей неразберихой – до Таира встречаться им было нежелательно, чтобы случайно не привлечь к себе внимания.

Дик почти всю неделю перелета просидел в каюте, выбираясь в бар и ресторан ближе к ночи. О том, чтобы приударить за какой-нибудь смазливой девчонкой, не было и речи, хотя иногда Сандерсу удавались подобные блицроманы. Но в таком романе главное – окружить предмет вожделения вниманием и заботой, закружить голову и действовать быстро, не давая времени на размышления. А где прикажете хотя бы угостить выпивкой, если в баре, пока донесешь заказанный виски до рта, десять раз толкнут под руку и половина содержимого будет на твоей рубашке? Собственно, наметанный глаз Сандерса уже выхватил из всеобщей суматохи несколько девиц определенного рода занятий, которых и угощать не придется, но он перестал бы себя уважать, если бы пришлось платить за любовь. Лет через пятьдесят, если он доживет до того почтенного возраста, когда женщина доставляет больше эстетического наслаждения, нежели физического, – может быть, но не сейчас. Один раз Дик увидел мичмана на обзорной палубе. Тот стоял, скрестив руки на груди, перед панорамным экраном, а вокруг клубились дети, чинно прогуливались почтенные семейства, обтекая Полубоя, как прибой одинокую скалу. Сандерс не стал приближаться и проследовал в свою каюту, нежно прижимая к груди бутылку «Теламор Дью».

Столица Республики Таир встретила их мелким морозящим дождем. Шпили космопорта тонули в низких облаках, бетон полосы блестел, будто смазанный маслом. Пройдя таможенный досмотр первым, Сандерс подождал, пока Полубой минует турникеты таможни. Русский нес на плече объемистый баул, похожий на те, что таскают космодесантники, отправляясь к новому месту службы. Риталусы семенили рядом с ним, деловито перебирая лапами по лужам и не обращая внимания на толчею космопорта. Сандерс думал, что с животными у мичмана

возникнут проблемы: карантин и все такое прочее, но его пропустили беспрепятственно.

Встретив взгляд русского, Дик слегка кивнул, приглашая следовать за собой. Он знал здесь небольшой бар, спрятавшийся за складами и таможенными терминалами и поэтому неизвестный туристам.

В полутемном помещении, пропахшем пивом и табачным дымом, Дик сразу прошел к стойке и заказал пару пива. Полубой занял столик в темном углу заведения. Сандерс поставил на стол кружки, покосился на риталусов, сидящих возле ног мичмана, и устроился напротив.

- Как прошел полет? - спросил он, отхлебнув пива.

- Нормально, - буркнул мичман. Наклонившись, он обтер ладонью дождевые капли, блестевшие на чешуе риталусов. Зверьки сидели по-собачьи, поджав задние лапы, и не мигая глядели на Сандерса бусинами глаз.

- У нас есть человек в местном университете, который оказывает Конторе некоторые услуги. Он забронировал нам домик в кампусе. Кроме того, он проведет ознакомительную экскурсию по территории университетского городка. Согласитесь, если уж мы работаем под таким прикрытием, то знать местные достопримечательности просто обязаны. - Дик посмотрел, как Полубой отпил разом полкружки пива и поморщился - все-таки университетское образование предполагает некоторую интеллигентность, а у русского были манеры портового грузчика.

- Когда мы вылетаем на Хлайб?

- Послезавтра.

Такси за полчаса доставило их к университету. Человек Конторы, высокий худой мужчина с буйной шевелюрой и трехдневной щетиной на подбородке, встретил их возле ворот городка.

– Профессор Шиманек. – Он склонил голову с таким видом, что было непонятно, то ли он приветствует гостей, то ли собирается взглянуть на собственные ботинки.

– Очень приятно. – Сандерс включил самую радостную улыбку.

Не дождавшись ответного представления, Шиманек поджал губы.

– Вообще-то на территорию университета животные не допускаются, – сказал он в пространство, – но в виде исключения... Надеюсь, ваши питомцы чистоплотны?

– Исключительно чистоплотны, – подтвердил Сандерс, видя, что Полубой не намерен отвечать.

Важно кивнув, профессор провел их по территории, через плечо давая объяснения. Городок был пуст – студенты разъехались на каникулы. Экскурсия затянулась минут на сорок – профессор явно гордился университетом и с подробностями изложил им историю учебного заведения и перечислил выдающихся личностей, обучавшихся в нем. Сандерс с преувеличенным вниманием слушал импровизированную лекцию, иногда переспрашивая Шиманека, Полубой молча бухал башмаками позади.

Домики университетского городка прятались среди подмокших развесистых деревьев. Остановившись возле одного из них, профессор передал Сандерсу ключи.

– Сейчас у нас пустовато, преподаватели и студенты разъехались, но библиотека в вашем распоряжении, господа, – тут профессор скептически поджал губы, – хотя я сомневаюсь, что она вам понадобится. Меня вы найдете в корпусе «Г» с десяти утра до шести вечера.

– Как найти библиотеку? – спросил Полубой.

– Справа от главного корпуса. Скажете, что вы работаете со мной. – Кивнув на прощание, Шиманек удалился.

Сандерс распахнул дверь:

– Прошу!

Полубой отстегнул ремешки шлеек, и риталусы тотчас скрылись в высокой траве, а мичман, взвалив на плечо сумку, проследовал мимо Дика, даже не взглянув на него.

Внутри домик представлял собой двухкомнатную благоустроенную квартиру с кухней. Видимо, здесь жили семейные преподаватели.

Расположившись в своей комнате, Сандерс заглянул к Полубою.

– Зачем вам понадобилась библиотека?

– Посмотреть историю заселения Хлайба, – проворчал тот, разбирая вещи.

– На это уйдет неделя, уважаемый господин Полубой. Более того, кроме специфических материалов по изучению исчезнувших цивилизаций, вы там ничего не найдете. Для нас с вами Таирский университет только прикрытие. Всю информацию нам предоставят непосредственно на Хлайбе.

Полубой уселся в кресло и потер квадратный подбородок. Сандерс уже понял, что этот жест ускоряет его мыслительный процесс. Если только это вообще было возможно.

– Насколько надежен этот Шиманек?

– Скажем так: он иногда оказывает нам небольшие услуги, – уточнил Сандерс. – Профессорская зарплата, знаете ли, оставляет желать лучшего. А в чем дело?

– Как-то все непрофессионально. – Полубой угрюмо взглянул на Сандерса. – Легенда шита белыми нитками – ну какие мы с вами археологи?..

Сандерс снисходительно усмехнулся:

– Вы абсолютно правы. Вернее, это было бы так, если бы мы с вами представляли какой-либо другой университет. Но Таирский... – Он опять усмехнулся. – Поверьте, даже не предпринимая никаких особых усилий, мы с вами ничем не

будем отличаться от большинства археологов с лицензией Таирского университета.

Полубой наморщил лоб:

- Поясните.

Сандерс вздохнул:

- Ну... Таир – торговая республика. И здесь привыкли торговать всем, что пользуется спросом. В том числе и... – Он развел руками. – Так что наше прикрытие идеально еще и тем, что с «археологами Таирского университета», – Ричард голосом выделил бо-ольшие кавычки, в которые включил это определение, – с удовольствием будут иметь дело все, кто не только к специальным агентам, но и к настоящим археологам не подошел бы и на пушечный выстрел. Меня больше волнует, насколько верны ваши сведения.

- Вернее не бывает, – отрезал Полубой, взял полотенце и прошел в душ.

- Ваши риталусы никого не съедят? – спросил Сандерс вслед мичману. – Нам только инцидента с полицией не хватает.

- Без приказа никого. – Мичман захлопнул за собой дверь.

Глава 4

Случайные попутчики

Парадная форма капитана сияла так, что глазам было больно. Мельком посмотрев документы, он вернул их Сандерсу и взял под козырек.

- Прошу прощения – необходимая формальность.

- Пустяки, – отмахнулся Дик.

Капитан сделал знак, и возле него возник стюард в белой форменной куртке с галунами.

– Проводите господ археологов в каюту. К сожалению, господа, не могу выделить вам отдельные апартаменты.

– Ничего, в экспедициях приходилось и на голой земле ночевать! – жизнерадостно воскликнул Сандерс.

Стюард подхватил его багаж, взялся за ручки сумки Полубоя и, крикнув, с натугой оторвал ее от палубы.

– Позвольте, я сам. – Мичман забросил сумку на плечо. – Необходимый инструмент, – пояснил он.

– Какая прелесть! – пропел женский голос.

Сандерс почувствовал прикосновение к плечу чего-то мягкого. Неземные ароматы окутали его. Молодая женщина с высокой прической, в обтягивающих брюках и полупрозрачной переливающейся блузке наклонилась, протягивая руку с явным намерением погладить риталусов, замерших возле ног Полубоя.

– Какие милые собачки!

– Не советую вам этого делать, мисс, – прогудел мичман, натягивая шлейку.

– Почему?

– Они не любят чужих.

– Но мне хочется. – Женщина надула губки, как капризный ребенок.

Один из зверьков стремительно выбросил тонкий язык, будто ремнем хлестнув протянутую к нему ладонь. Любительница животных взвизгнула и отпрянула назад. Сандерс поддержал ее за талию.

– Осторожнее. – Талия была тонкая и гибкая, и держать ее было одно удовольствие.

– Боже, у меня будет синяк. – Женщина посмотрела Сандерсу в лицо. Она явно не торопилась высвободиться из его объятий. Поднеся свою ладонь к его глазам, она сказала: – Какие невоспитанные создания! Надеюсь, я их не встречу во время перелета свободно гуляющими по палубе.

– Я вам это гарантирую, мисс Янсен, – сказал капитан.

– Мисс Анжела Янсен? – уточнил Дик. Ого, похоже, им попались о-очень непростые попутчики. Он не слишком разобрался в хитросплетениях таирской политики, но основных фигурантов знал...

– Да!

– Сандерс, Ричард Сандерс. Археологическая экспедиция на Хлайб. – Дик отступил и наклонил голову, скользнув взглядом по ее фигуре. Совсем неплохо. – А это мой помощник Касьян Полубой. Эти милые зверушки очень помогают нам в работе – нюх у них исключительный. Касьян, отнеси пока вещи в каюту. – Дик незаметно подмигнул Полубою.

Анжела Янсен проводила мичмана надменным взглядом.

– Странная личность, – сказала она, выпятив нижнюю губу, – не очень-то он похож на ученого.

– На раскопках он бывает просто незаменим. Там, где нельзя использовать тяжелую технику, – проговорил Сандерс, понижая голос. – Так мы летим вместе, мисс Янсен?

– Как видите. – Она оценивающе взглянула на Дика. У нее был большой чувственный рот с полными губами. – Я предложила бы вам присоединиться к нашей компании, но раз вы летите с помощником, да еще с таким...

– Он человек нелюдимый и весь рейс будет сидеть в каюте, я уверен, – поспешил сказать Сандерс. – А что у вас за компания?

- Мои друзья, люди нашего круга. Ну вы понимаете, о чем я. Мы летим на Хлайб немного развеяться. Мальчики решили поучаствовать в каком-нибудь из этих сумасшедших ристалищ, ну а мы будем болеть за них. А-а, вот и мои друзья.

Сандерс обернулся. Прямо на корабль неслась стайка разноцветных двухместных глидеров. Пилоты явно проверяли нервы капитана на прочность – лишь возле самого корабля глидеры заложили крутой вираж и закачались возле шлюза. Капитан яростно дернул фуражку и направился было к выбирающимся из машин пассажирам, но Анжела Янсен придержала его за рукав.

- Капитан, ну что вы? Мальчики просто пошутили.

- А если бы один из них въехал в корпус, мисс Янсен, кто бы отвечал?

- Они все прекрасные пилоты. Ну, Поль, не будьте таким серьезным, а то я пожалуюсь на вас папе, – она мило улыбнулась капитану, – мы же летим развлекаться!

Капитан заложил руки за спину и покачался с носка на пятку, явно сдерживаясь. Сандерс отступил немного в сторону, чтобы не мешать вновь прибывшим.

Компания состояла из четырех молодых людей и трех девиц. Все были примерно одного возраста – около двадцати пяти лет. Девицы были в легкомысленных комбинезончиках, заканчивающихся чуть ниже колена и обтягивающих тело как вторая кожа; парни – кто в чем, но то, что одежда куплена в самых престижных магазинах или даже сшита на заказ, было видно сразу. Когда они подошли поближе, Сандерс понял, что вся компания под изрядной дозой алкоголя или травки – лица у всех были покрасневшие, и гомонили они, как менялы на блошином рынке – все сразу и каждый свое.

- ...и пусть воду в бассейне подогреют – я не могу плавать в холодной воде.

- ...Паоло, дорогой, я уже соскучилась! Давай одну каюту возьмем.

- ...в морду, если бы ты меня не удержала...

- Анжела, дорогая, прикажи отнести наш багаж!

– ...будем веселиться. А это еще кто с такой постной рожей?

«Кто это тут с постной рожей? – подумал Сандерс. – Кроме меня, некому». Он и вправду немного скис, когда понял, что компания разбита на пары и на мисс Янсен и помимо него есть претенденты. «Впрочем, лететь четыре дня, так что это мы еще посмотрим, у кого будет постная физиономия к концу полета», – утешился он.

– Попрошу документы, господа, – проскрипел капитан, выступая вперед.

– Поль, дорогой, – пропела Янсен, – ну к чему формальности? Я за всех ручаюсь: это Карен, Эльжбет и Нора, а это Юджин, Паоло, Карл и Ахмет.

Последний обратил на себя внимание Сандерса – он один хоть и немного, но отличался от пестрой компании. Во-первых, он был явно трезв, а во-вторых, гордая посадка головы и прямая осанка привлекли бы к нему внимание в любом обществе.

Девушка, которую Янсен представила как Карен, протянула капитану пачку паспортов и кинулась на шею Анжеле.

– Дорогая, ты прекрасно выглядишь! Скажи, это твоя яхта?

– Можно считать, что моя.

Краем глаза Сандерс заметил, как капитан поморщился. Девушки по очереди прикладывались к щечке мисс Янсен, бросая на Дика изучающий взгляд. Мужчины его игнорировали, лишь Ахмет коротко кивнул.

– Капитан, скоро мы вылетаем? – Рыженькая Нора повела плечиком.

– Вылетают из кабака, если плохо себя ведут, – буркнул капитан, – мы стартуем, как только эскортный фрегат даст сигнал, что готов к следованию.

Сандерс рассеянно улыбался, слушая щебетание девиц. Нора состроила ему глазки, Карен, которая, как он понял, привыкла распоряжаться, внушала стюардам, что с ее багажом надо обращаться как можно бережнее. Эльжбет,

высокая блондинка, прильнула к Паоло.

- Анжи, представь нам этого импозантного мужчину.

- Это м-м... археолог, профессор Сандерс. Вы ведь профессор? - Мисс Янсен вопросительно приподняла бровь. Ей явно хотелось, чтобы попутчик оказался хотя бы профессором.

Сандерс понял, что, если не ответит утвердительно, полет он будет коротать с Полубоем.

- Естественно. Профессор археологии Сандерс. Мы с ассистентом летим на Хлайб, чтобы...

- Замечательно! - воскликнула Нора. - Археология - это так увлекательно! Я хочу посмотреть свою каюту, а потом искупаться. Здешняя погода мне надоела. Капитан, а вода в бассейне теплая?

- Просто кипяток, - сдерживаясь, ответил капитан. - Эй, кто-нибудь! Проводите гостей.

После того как компания скрылась в корабле, он сказал несколько энергичных слов. Впрочем, сказаны они были вполголоса. Пачку паспортов он, повертев в руках, сунул в карман. Видно было, что настроение у него окончательно испортилось - он наорал на заправщика, будто бы слишком близко притершего машину к корпусу яхты, пнул кибера, слишком медленно, по его мнению, ползущего сверху вниз по посадочной опоре в поисках дефектов.

- Нелегко с такими пассажирами? - сочувственно спросил Сандерс.

- Я, черт возьми, капитан первого ранга, я командовал эсминцем в инциденте у Брубаса, я дрался с пиратами на Криптоне, и будь я проклят, если не подам в отставку после этого рейса!

- Как же вы оказались командиром яхты? - поинтересовался Сандерс.

– Господа из парламента решили, что никто лучше боевого командира не сумеет командовать правительственной яхтой. Я не против – честь велика, но когда мне говорят: «Капитан Мерсерон...» Кстати, Поль Мерсерон.

Сандерс пожал протянутую руку.

– Когда мне говорят: «Спикер желает посетить Ривьеру, а потом министр занятости летит на похороны тещи, и вообще будьте любезны быть в готовности, потому что запоры генерального прокурора лучше всего лечатся на Симароне», мне хочется угнать эту чертову позолоченную посудину и заделаться пиратом. А теперь вот пожалуйста – дочка председателя оппозиционной партии организует увеселение для своих друзей, таких же бездельников, как и она. Вы не служили в армии, профессор, и вам не понять, что дисциплина...

– Почему же, я проходил обязательный курс подготовки для университетских преподавателей.

– А-а, – обрадовался капитан, – хорошо, хоть вы меня поймете. Кстати, ваш помощник мне тоже понравился. Люблю таких вот молчаливых, надежных и крепких ребят. Заходите в офицерскую кают-компанию запросто, профессор. И конечно, спортзал и бассейн в вашем распоряжении.

– Благодарю, вас сэръ. – Дик благодарно прижал руку к сердцу.

Он вполне понимал капитана. В Республике Таир всем заправляли торговые кланы, а правительство и парламент были скорее витринами, которые позволяли демократическим державам формально считать Таир одной из таких же стран, как и они сами, но именно только формально. Все вооруженные силы Республики Таир едва насчитывали сотню кораблей, что составляло в лучшем случае треть военного флота любого из таирских торговых кланов. А суммарный бюджет, которым распоряжалось правительство, не превышал и десятой части такового у самого мелкого клана. И эта ясная всем «опереточность» формально вроде как высших органов государства приводила к тому, что и «верховная власть» и «слуги народа» вели себя как капризные актеры популярных сериалов...

Капитан извинился, сказав, что должен посмотреть, как разместились гости, и вернулся на корабль. Сандерс докурил сигару, размышляя, что путешествие

может оказаться приятным. Тем более что задание представлялось ему малообещающим как в смысле поимки Керрора, так и в перспективе продвижения по службе. Он даже прикинул, чем мог быть недоволен Вильямсон, что поручил ему, Дику Сандерсу, имеющему на счету немало сложных дел, нянькаться с русскими. Он вообще привык работать один, не рассчитывая на то, что кто-то прикроет спину. Сандерс просто не доводил ситуацию до точки, когда приходится думать, как унести ноги. Если тебя раскрыли, если за твою голову обещана награда, если ты получил ранение, даже случайное, – ты не профессионал и место тебе не в секретной службе, а в лучшем случае в диверсионном отряде. А то и вовсе в абордажной команде любого эсминца Содружества. Конечно, случались и осечки, но от случайностей никто не застрахован...

С другой стороны, может быть, все дело в том, что старый лис Вилкинсон почувствовал за этим делом что-то этакое, пока не слишком объяснимое, но... А Сандерс в Конторе считался самым высококлассным «интуитивистом». Поэтому на его предрасположенность к случайным связям и некоторые излишества в потреблении горячительного начальство смотрело сквозь пальцы. Во всяком случае, у Счастливого не раз получалось так, что подцепленная в баре подружка внезапно оказывалась личной секретаршей лица, доступ к которому Контора пыталась найти уже не один десяток раз, а случайный собутыльник, которому приспичило поплакаться на плече Сандерса по поводу своей дерьмовой жизни, в процессе этого плача вываливал некие ключевые сведения, за которыми Контора охотилась давно и безуспешно. И Сандерс прекрасно осознавал, что своим присутствием в столь высокопоставленной правительственной организации обязан тому, что у мистера Вилкинсона был нюх на подобных людей, а вовсе не отличному диплому престижного университета, как он думал на заре своей карьеры. Как, впрочем, и то, что стоит этому его качеству дать пару-другую осечек – и его вышвырнут из Бюро, брезгливо кривя губы. Несмотря на все его заслуги. Возможно, именно поэтому он стал несколько чаще позволять себе злоупотреблять содержимым пузатых бутылок...

Но пока Вилкинсон верил в его способности, и лучшее, что Счастливчик (получивший свое прозвище еще и благодаря таким неожиданным удачам) мог сделать, – это не подвести того, кто предоставил ему, парню с самого дна, подобный шанс...

Внутри яхта была стилизована под морское судно. Правда, судно высшего класса: панели красного дерева в коридорах, деревянные двери кают. Впрочем, отыскав свою, Сандерс понял, что дерево – всего лишь стилизация: стальные воздухонепроницаемые переборки, как и положено на космическом корабле, страховали двери, нависая из притолоки.

Каюта явно не предназначалась для высоких гостей, причем, все удобства в ней были. Полубой лежал, забросив руки за голову, на одной из коек, стоящих друг против друга. На полированном столике стояла открытая банка пива. Пол покрывал матовый пластик, имитирующий паркет, свет был притушен, и Сандерс не сразу различил риталусов, лежавших возле койки мичмана. Полубой был в своей странной полосатой майке и пятнистых штанах. Для лагеря археологов сойдет, но в таком обществе, какое собралось на корабле, полагалось что-то более приличное. Сандерс подумал, что надо бы помягче намекнуть об этом русскому.

Он покопался в мини-баре, выбрал пиво, открыл и уселся в кресло.

– Давайте условимся, мистер Полубой: раз уж мы археологи и давно работаем вместе, то нам более пристало называть друг друга по именам. Вы меня можете звать Диком или Ричардом, а я вас – Касьяном. Или у этого имени есть сокращение?

– Нет.

– Отлично. Стало быть, я – профессор Сандерс, а вы – мой ассистент Касьян Полубой. В профессора меня произвела мисс Янсен, и я не стал отказываться. Ничего, что вы оказались моим подчиненным?

– Ничего. – Полубой взял пиво, отпил, не приподнимая головы, и водрузил банку себе на живот. Живот у него был плоский, и даже сквозь полосатую ткань были видны квадраты мышц.

– Если вам интересно, то мисс Янсен – дочь лидера оппозиционной партии Таира. Она с друзьями летит на Хлайб, чтобы развлечься. Это на нее напал ваш риталус...

– Если бы напал, ей бы пришлось регенерировать руку.

– Ну, значит, ей повезло. Общество довольно пестрое, но я хотел бы обратить ваше внимание вот на что: если мы не хотим, чтобы на нас косились, то лучше одеваться соответственно принятым в высшем обществе нормам. У вас есть что-нибудь более приличное, чем эта форма?

– Костюм.

– Вот и прекрасно. Кстати, среди друзей мисс Янсен я заметил одного молодого человека. Я никогда не жаловался на память и потому сразу вспомнил, кого он мне напоминает. Племянника хана Казым-Гирея. Помните скандал с колонией Итиль, решившей отделиться от султаната?

– Помню. – Полубой допил пиво, смял банку в кулаке и привел себя в сидячее положение. Именно привел, потому что само движение было быстрым, но одновременно плавным. Он как бы перетек из одного положения в другое. – Значит, сразу по прилете нам надо будет отделиться от этой компании. Ахмет-Гирей объявлен в розыск на подвластных султанату планетах, и за вознаграждение его могут выкрасть даже с Хлайба. Охотников за головами там, как я понимаю, хватает.

– Я уже подумал об этом, – согласился Сандерс. – Консул вышлет за нами личный глидер в космопорт, и на яхте мы не задержимся.

В каюте раздался мелодичный звон.

– Готовность к старту, как я понимаю, – сказал Сандерс. – Капитан пригласил нас в кают-компанию. Думаю, как только ляжем на курс, надо будет воспользоваться приглашением.

Согласно кивнув, Полубой откупорил очередную банку и снова растянулся на койке.

– А как мы вообще попали на правительственную яхту?

Счастливчик криво усмехнулся:

– Ну это же Таир... Правительство торгует принадлежащей ему скудной собственностью с не меньшим энтузиазмом, чем любой лоточник в порту. А мне до смерти надоели низкокласные рейсовики. Я попросил Шиманека заказать билеты на что-нибудь приличное и... вот мы здесь.

Обед начался, как и положено, с аперитива: дамы предпочли сухой мартини, джентльмены – виски и водку. Впрочем, Карен, которой, как уже понял Сандерс, надо было родиться мужчиной, тоже предпочла водку. Капитан представил гостям первого помощника, штурмана и главного механика, после чего все приступили к трапезе. Стюарды были вышколены, еда отменная, и если бы не легкомысленный треп, который вели мисс Янсен и ее гости, что вызывало досаду на лице капитана Мерсерона, обед можно было бы считать удавшимся. Полубой, к удивлению Сандерса, ловко орудовал ножом и вилок и даже помог Норе очистить таирского омара. Он обошелся без щипчиков – просто ловко разломал в пальцах панцирь, вызвав аплодисменты Карен и молчаливое одобрение капитана, и положил омара на тарелку девушки. Эльжбет продолжала лхнуть к своему кавалеру, Карл и Юджин вполголоса обсуждали предстоящие развлечения на Хлайбе, Ахмет-Гирей ел мало: на тарелке у него лежало крыло куропатки, которое он вяло ковырял. С огорчением Сандерс увидел, что его взгляд то и дело обращается к Анжеле Янсен. Впрочем, Карен все больше вызывала интерес Дика. Она, судя по всему, исповедовала то же самое в отношении мужчин, что и Дик в отношении женщин – главное, чтобы связь не была в тягость никому из партнеров. Он уже несколько раз поймал на себе оценивающий взгляд Карен и переключил внимание на нее. За кофе, когда он раскурил сигару, Карен вынула сигареты и вопросительно посмотрела на него. Сандерс поднес ей зажигалку.

– Что же вы такого хотите обнаружить на Хлайбе, профессор? – спросила она без особого интереса. Как понял Сандерс, чтобы завязать разговор. – По-моему, искать там что-либо интересное – это бесполезный труд.

– Ну что вы, – он укоризненно взмахнул сигарой, – несколько цивилизаций, причем лишь одна из них кое-как идентифицирована, наслоились друг на друга. Я уверен, что даже при минимальных усилиях, а наша экспедиция носит в основном ознакомительный характер, мы преподнесем научному миру сенсацию и подготовим почву для более детального изучения...

– С удовольствием подожду сенсации, профессор, – прервала Карен, – однако хочу вас предостеречь от слишком оптимистичных прогнозов. Хлайб не место наложения одной цивилизации на другую, Ричард... вы ведь позволите вас так называть? Во всяком случае, не в том смысле, который вы вкладываете в эти слова. Хлайб – это наложение помоек нескольких цивилизаций. Туда сбрасывали мусор, сливали нечистоты и все то, что не хотели держать на материнской планете. Здесь обломки неудачных конструкций и непроверенных машин, остатки экспериментов, которые могли отрицательно повлиять на население. Вы представляете, на что вы можете наткнуться?

– Мы археологи, мисс, – вдруг встрял в разговор Полубой, – и довольно хорошо представляем себе, на что можем наткнуться на Хлайбе, но вы тоже правы – чтобы достать что-то стоящее, часто приходится поработать и ассенизатором.

– Фу... как грубо. – Карен сморщила носик в его сторону, но обращалась по-прежнему к Дику. – А хобби у вас какое-нибудь имеется?

– Я коллекционер. – Сандерс испытующе посмотрел ей в глаза. Кой черт! Этот взгляд может означать только одно, или все его женщины ему приснились.

– Что же вы коллекционируете?

– Надеюсь, то же, что и вы. Интересных людей.

Полубой поднялся, громынув стулом.

– Господа, я с вашего разрешения вернусь в каюту. Мистер Сандерс, вы говорили, что нам надо обсудить план экспедиции.

– Да, да, я помню. – Сандерс, проклиная мичмана, поднялся из-за стола. – Я не прощаюсь, – негромко сказал он, склонившись к Карен.

Русский топал, не оглядываясь, и Сандерс почувствовал себя учеником, которого ведут к директору школы. «Какого черта я вообще поперся за ним? Ну сказал бы, что подойду попозже!» Полубой прошел мимо их каюты, направляясь, если Сандерс правильно помнил план корабля, в рубку управления. Он ускорил шаги, чтобы догнать его.

- Вы что-то хотели мне сказать? - спросил он в широкую спину.

- Только то, что вы очень резко начали знакомство. Эта женщина, если судить по ее словам о Хлайбе, не так проста, как кажется.

Сандерс разозлился. Он же не учит этого дуболома, как устанавливать на корпусе противодесантные мины, хотя тоже умеет это делать...

- Прошу простить, мистер Полубой, но, как мне представляется, мой послужной список дает мне право самому определять... - Тут Счастличик резко выдохнул и замолчал, поскольку осознал, что Полубою глубоко до фени все его объяснения - он равнодушно пер вперед, бухая каблуками. Спустя пару минут и очередной поворот коридора Сандерс, слегка приведя свои нервы в порядок, спросил ледяным тоном: - А куда вы, вообще, направляетесь?

- В рубку.

- И что мы там будем делать?

- Хочу посмотреть, на что способен корабль. Можете считать, что вы меня напугали рассказом о возможных осложнениях.

- Корабль пассажирский. Конечно, у него есть системы защиты, а возможно, и пара-тройка орудий припасена, - сказал Дик, - все-таки это правительственное судно. Но можете не беспокоиться, нас сопровождает фрегат.

- Вот поэтому и беспокоюсь, - прогудел Полубой, - без причины фрегат не выделяют для сопровождения прогулочного рейса. - Он остановился и повернулся к Сандерсу: - Если я вас обидел, то прошу прощения. Но у меня приказ, и я хочу убрать даже малейшие причины, которые помешают его выполнить.

Внезапно Дик увидел, что русский улыбается. Зрелище было не для слабонервных - так мог бы улыбаться шлем на скафандре высшей защиты. Если бы умел.

Пока Сандерс приходил в себя, Полубой исчез за автоматическими дверями рубки.

Офицеры на мостике встретили их с недоумением, но приветливо. Каждый занимался своим делом, корабль шел по курсу, и всей работы у дежурной смены было следить за показаниями приборов. А к визитам пассажиров здесь привыкли. На яхте часто возили лиц, которым невозможно было отказать в удовлетворении любопытства, несмотря на все флотские традиции и корабельные уставы. Так что появление еще одной «экскурсии» приняли с обреченной вежливостью.

Полубой подошел ко второму помощнику, который был старшим из офицеров, и вполголоса принялся расспрашивать его о яхте. Причем, к удивлению Сандерса, делал он это настолько умело, что все выглядело, как если бы туповатый студент обратился за разъяснением к своему научному руководителю. Второй помощник, молодой человек лет двадцати трех, в щегольски сидящей белой форме, почувствовал себя старым космическим волком и залился соловьем. Выбирая выражения попроще, он бесхитростно выложил все тактико-технические данные корабля, явно гордясь, показал пульт управления защитой и вооружением. Как и предполагал Сандерс, на борту имелись три гравитационных орудия класса «таранул», что совсем неплохо для яхты, и полтора десятка легких спарок-«единорогов», пригодных лишь для отражения абордажной атаки.

Полубой с глуповатым видом кивал и ахал, пока второй помощник, ведя его под руку, выбалтывал все секреты корабля. Сандерс только диву давался, насколько мичману удалось прикинуться штатской крысой – даже костюм висел на нем мешком, словно под ним были не перекачанные мышцы профессионала, а заплывшая салом туша кабинетного червя. Полубой стучался обо все углы, смахивал нечаянным движением бумаги, один раз чуть не уселся на пульт управления стартовыми двигателями, и когда он, наконец, стал благодарить помощника за лекцию, по лицам команды Сандерс понял, что все вздохнут с облегчением, когда он покинет рубку.

На прощание Полубой долго жал офицеру руку, заглядывал в глаза и робко осведомлялся, не угрожают ли кораблю метеориты, кометы, астероиды и прочие небесные тела. Снисходительно улыбаясь, помощник уверил его, что никакой опасности нет и быть не может, пока он на борту.

– Не знал, что вы актер, – одобрительно отозвался Сандерс, когда они оказались в коридоре. – А вы что-нибудь поняли из того, что говорил этот молодой человек?

– Я канонир второго класса и уж худо-бедно в вооружении разбираюсь, – буркнул Полубой. – В навигации, правда, ни в зуб ногой. А кораблик и впрямь ничего. Команда только разболтана.

– Да, второй помощник трепач, каких мало, – согласился Сандерс.

Риталусы встретили их на пороге каюты, и Сандерс впервые подумал, что в присутствии этих тварей есть смысл – лучших сторожей и придумать было нельзя.

Полубой завалился на койку и через несколько минут спокойно засопел. Дик тоже прилег, перебирая в уме варианты сближения с Карен. Пожалуй, можно и форсировать события, решил он. Дамочка, похоже, не привыкла коротать время в одиночестве, и если Сандерс будет тянуть резину, запросто упорхнет к одному из своих спутников. Вроде бы Карл и Юджин больше смотрят друг на друга, чем на девушек, но лучше все же поторопиться...

Полубой обрушился в воду, как оторвавшаяся от скалы глыба гранита. Нора, парившая над гладью бассейна на гравитезлонге, взвизгнула, когда брызги каскадом обрушились на нее.

– Моя прическа!

– Сожалею, мисс, – невнятно буркнул мичман и, рассекая воду, устремился к противоположному бортику.

Сандерс покачался на трамплине, дожидаясь, пока лежавшая на песчаном пляжике Карен обратит на него внимание, оттолкнулся и, сделав сальто с полуоборотом, без брызг вошел в воду.

Бассейн был невелик – двадцать метров в диаметре, но небольшие размеры скрадывались искусной стилизацией под крохотную лагуну. Голограмма окружала его тропическим морем, в солнечном ярко-синем небе парили

перистые облака, о рифы у входа в лагуну бился пенный прибой. Океан был небывало лазурного цвета. Такого яркого оттенка Сандерс не наблюдал даже на Ривьере.

Дик вынырнул. Вода и впрямь была слишком теплая. Он поплыл к берегу и вылез на пляж возле Карен. Она была в узком бикини и соломенной шляпе с огромными полями.

- Профессор, вам кто-нибудь говорил, что вы не похожи на ученого?

- Сто раз говорили, - вздохнул Сандерс. - Даже и не знаю, что делать. Может, перестать следить за собой, отрастить брюшко? В самом деле, ученая степень предполагает солидность, дородность, величавость.

- Не люблю толстых мужчин, - заметила Карен, - ваш помощник тоже не кабинетная крыса, но он совершенно не в моем вкусе. Слишком большой. Он похож на бульдозер.

- Скажу по секрету, - Сандерс прилег рядом с девушкой на песок, - таковым он и является. Что в физическом плане, что в моральном.

- Да, я заметила... м-м-м, такта в нем не слишком много.

Сандерсу показалось, что изначально Карен хотелось дать мичману более, скажем так, энергичную характеристику. Полубой в который раз проплыл вдоль бассейна, тараня воду с уверенностью кашалота. Брызги летели веером, пенная дорожка стлалась за ним по воде, как за идущей на взлет летающей лодкой.

Возмущенная Нора подгрребла к берегу и, подхватив полотенце, направилась в душевую, демонстрируя всем окружающим, как она раздражена, взбешена, сердита и... так далее.

- А где ваши остальные друзья? Мисс Янсен, Эльжбет?

- Как это неделикатно: спрашивать у женщины, где ее подруги. Вас они интересуют или я?

– Ваша прямота обезоруживает, – пробормотал Сандерс, – вы же видите, что меня интересуют исключительно и только вы.

– Ну так и ведите себя соответственно. В конце концов, мы взрослые люди, и не знаю, как вы, а чего хочу от вас я, должно быть понятно.

– Рад, что наши желания совпадают. – Сандерсу было немного не по себе от стремительного натиска Карен, но если дама приглашает танцевать, отказываться не принято. – Я спросил просто так, чтобы поддержать разговор.

– Все мужчины одинаковы, – возмущенно взмахнула рукой Карен, – нет чтобы ясно и четко изложить, чего они хотят...

– И получить по физиономии, – хмыкнул Сандерс. – Все мужчины хотят от женщины одного и того же. Только одни умеют это скрывать, а другие идут напролом и чаще всего остаются ни с чем.

– А кто не рискует, тот перебивается пластиковыми куклами. И поговорить можно, и удовольствие получить. Ладно, я вас совсем запугала, – неожиданно улыбнулась Карен, – настроение такое – скука здесь смертная. Эльжбет никак не оторвется от Паоло. По-моему, они из каюты вылезают, только чтобы поесть. Карл и Юджин... вы уже поняли, что этим ребятам никто, кроме них самих, не нужен. Ну, может, еще заряд адреналина. Его они найдут на Хлайбе. А мисс Янсен со своим ненаглядным Ахмет-Гиреем на обзорной палубе. Звезды, романтика. Интересно, она знает, что у него уже четыре жены? Хотя если Анжи предпочитает золотую клетку... Как-никак, а он единственный наследник хана.

Полубой выбрался из воды, неловко поклонился в их сторону и прошел к выходу. Капли воды блестели на мускулистом теле, делая его еще более рельефным. Он встряхнулся, будто вылезший из воды пес, и широкими шагами проследовал в сторону замаскированного искусственной каменной глыбой входа в раздевалку. Карен проводила его пренебрежительным взглядом и, повернувшись к Сандерсу, отбросила шляпу и протянула ему руку. Он помог ей подняться.

– Не желаете поплавать? – спросила она.

– Вода слишком теплая. Я чуть не сварился, пока плыл до берега.

– А сейчас? – Она одним движением развязала тесемки бюстгальтера и отшвырнула его в сторону.

Грудь у нее была небольшая, аккуратная, с острыми сосками, вызывающе торчащими в разные стороны.

– Пожалуй, рискну. – Дик почувствовал, что его охватывает давно забытый азарт – в колледже у них была своеобразная игра: трахаться на людях. Ну почти на людях: в аудитории между лекциями, в припаркованных на людных улицах автомобилях, поздним вечером на скамейках во вроде как безлюдных сквериках.

Карен вошла в воду по плечи и обернулась, поджидая его.

– Вот и мы. – На пляже показались Анжела Янсен и Ахмет-Гирей.

– А мы уж жаждали вас, – с досадой проворчал Дик. – Вода просто превосходная, мисс Янсен, – добавил он громче.

На ней был бордовый купальник, вокруг бедер повязан прозрачный газовый платок. Ахмет-Гирей ревниво покосился на Сандерса. Кожа у него была смуглая то ли от природы, то ли от загара. От плеча через грудь спускался тонкий выпуклый шрам. Дик улыбнулся ему, подхватил брошенный на песок бюстгальтер Карен, вошел в воду и незаметно передал ей.

– Черт бы их побрал, – пробормотала она.

– Нам еще три дня лететь, – улыбнулся Сандерс, – увидимся за ленчем.

Она что-то сказала в ответ, но как раз в этот момент Анжела с визгом попыталась затолкать Ахмет-Гирея в бассейн.

В душевой Дик пустил холодную воду – от теплой в бассейне его охватила истома. Хотя, может, и не вода была тому причиной. Он закрыл глаза и подставил лицо под ледяные струи, ощущая, как к нему возвращается бодрость. Да, такой женщины у него давно не было. Честно признаться, он опасался женщин с таким характером – он больше подошел бы мужчине, причем какому-нибудь военному. Солдафону до мозга костей, который что думает, то и говорит

и добивается поставленной цели, не считаясь ни с какими потерями. По служебной лестнице такие вояки не поднимаются выше полковника, но у подчиненных приобретают определенную симпатию. Однако как она быстро все решила... глазки не строила, не кокетничала. «Мы с вами взрослые люди». И когда разделась, его прямо в жар бросило от желания. Такие женщины хороши как раз для случайной связи, долгие отношения с ними быстро утомляют – уж очень они любят командовать, и если поначалу приказ ложиться в постель воспринимается с энтузиазмом, то постепенно это утомляет.

Однако какая у нее шикарная фигура... Нет, не шикарная. Шикарность – это пышность, зрелость, у Эльжбет именно такая, а у нее как раз тело спортсменки. И такая форма груди, что так и хочется прикоснуться...

Горячее тело прижалось к спине Сандерса, тонкие руки легли на грудь, погладили, скользнули вниз по животу.

– Будет лучше, если ты сделаешь воду потеплее.

Он почувствовал на шее горячее дыхание, не поворачиваясь, положил руки ей на бедра. Она и трусики успела снять...

– Ты с ума сошла, это же мужская душевая.

– И что?

– Может войти Ахмет-Гирей!

– И что? – Ее руки опустились еще ниже.

Прежний азарт накатил дурманящей волной.

– Да ничего. – Дик повернулся, прижал ее к себе и впился в полуоткрытый рот, ощущая, как набухшие от холодной воды соски царапают грудь.

Ее язык скользнул к нему в рот и заметался, то ускользая, то наступая, не давая передышки. Он стиснул гибкое тело и ощутил, как ее острые ногти впиваются в ягодицы, стремясь слиться с ним, стать одним целым. Она больше не просила

сделать воду теплее – им и так было жарко...

Глава 5

Абордаж

– У вас такой вид, мистер Сандерс, будто мы уже поймали Керрора и вам выдали премию в размере годового жалованья.

– Знаете, Касьян, вряд ли я буду настолько удовлетворен, даже если мы и поймаем этого отморозка. – Дик повалился на койку и блаженно потянулся.

– Мистер Сандерс...

– Да бросьте вы, мичман. Если уж нам предстоит общее дело, то давайте привыкать называть друг друга по именам.

– Хорошо, Дик. Вы, часом, не выпили лишнего?

– Нет. – Сандерс мечтательно вздохнул. – Кажется, я вас огорчу, Касьян. Остаток пути вам придется коротать в одиночестве. А ночью тем более.

Полубой присел на постели и хмыкнул:

– Быстро вы ее обработали.

– Это не я обработал, это меня обработали. Я не особенно сопротивлялся – это не женщина, это ураган!

– М-да... никакой дисциплины, – проворчал Полубой.

Сандерс покосился на него. Мичман улыбался уголками губ.

– А вы и шутить умеете, – усмехнулся Дик.

– Бывает. А вот капитан вас не одобрит, это точно.

– Ну что ж, это его проблемы. – Сандерс внезапно вспомнил Карен. – Мы, в конце концов, взрослые люди!

За ленчем Сандерс и Карен сидели вместе. Никакого переполоха в компании их сближение не вызвало. Лишь капитан Мерсерон неодобрительно поджал губы, когда Дик под руку с Карен появился в кают-компании.

– Вы сияете, как новая медаль, – шепнул Полубой, проходя к своему месту, – нельзя же так напоказ выставлять... э-э... ваши отношения.

– А почему нельзя? – услышав его, во весь голос осведомилась Карен и надменно огляделась.

– Можно, можно, – успокоил ее Сандерс, придвигая стул. – Тебе мартини, водку?

– Водку.

Анжела мило улыбалась, поглядывая на них, Ахмет-Гирей, как всегда, сидел с непроницаемым лицом; Эльжбет и Паоло подняли бокалы, салютуя; Карл и Юджин смотрели так, словно их это не касалось. Стюарды теперь, прежде чем предложить вино, склонялись к Сандерсу, желая узнать его мнение. Занятый новыми ощущениями – обычно его романы не выносились на всеобщее обозрение, – Сандерс почти пропустил речь капитана.

– ...маршевые двигатели. Я уже высказал капитану Жилмару свое недовольство и предупредил, что подам рапорт по возвращении на Таир.

– Но мы же не будем их ждать, Поль? – спросила Янсен.

– Конечно, нет! – Возмущению Мерсерона не было предела. Скомкав салфетку, он швырнул ее на стол. – У меня есть приказ... предписание прибыть на Хлайб послезавтра, и мы будем там послезавтра. Мы пойдем в обычном режиме, и

пусть Жилмар поторопит своих людей, если не хочет, чтобы «Ганимедом» командовал кто-нибудь более умелый. У меня еще остались связи во флоте, и я не...

– А разумно ли это – двигаться без прикрытия? – негромко спросил Полубой.

– Если я соберусь раскапывать землю в поисках черепков и костей, я непременно посоветуюсь с вами, господин Полубой. А пока предоставьте мне делать то, на что я потратил всю жизнь.

– Я только спросил, – пожал широкими плечами Полубой, склоняясь над тарелкой.

После отповеди капитана разговоры в кают-компании вообще увяли...

Мерсерона разбудил вызов с мостика. Бормотание репродуктора связи, как всегда, вклинилось в сон мягко и ненавязчиво. Постепенно набирая децибелы, вызов звучал все громче. Капитан нашарил клавишу.

– В чем дело? – спросил он, не открывая глаз.

Он все еще надеялся, что ничего срочного в вызове не было – если бы возникла внештатная ситуация, напрямую угрожающая кораблю, баззер тревоги рявкнул бы так, что его снесло бы с постели.

– Не могли бы вы подняться на мостик, – в голосе второго помощника звучала неуверенность, – кажется, у нас попутчик.

– Кажется?

– Неопознанный корабль, сэр. Судя по величине поля отражения, классом не ниже корвета.

– Так запросите его! – раздраженно бросил Мерсерон, все еще надеясь, что удастся доспать.

- Он не отвечает на вызовы, сэр.

- Сейчас буду.

Через пять минут капитан был в рубке. Он еще на военном флоте привык к неожиданностям и знал – лучше появиться перед подчиненными с красными от недосыпа глазами и небритым, чем задержаться на лишние минуты. Слишком много в космосе случайностей, которые невозможно предвидеть, и счет иногда идет даже не на секунды, а на мгновения и человеческие жизни.

Второй помощник шагнул навстречу, вскидывая руку к фуражке. Мерсерон ввел на борту яхты обязательность доклада по всей форме. Пусть на каботажниках капитана называют как угодно, хоть по имени, хоть кличкой, дисциплина начинается с соблюдения субординации, а дисциплина – это святое!

Но на этот раз Мерсерон махнул рукой, прерывая доклад:

- Ну что тут у вас?

- Неопознанный корабль. Идентификации не поддается. Мы непрерывно запрашиваем его, сэр.

Судя по отметке на экране, корабль шел на пересечение курса «Глории». Мерсерон считал данные с дисплея. Через несколько минут они будут в зоне досягаемости тяжелых «онагров», если они есть на борту незнакомца. Предполагай лучшее, но готовься к худшему – еще один опыт, вынесенный с военной службы, никогда не подводил Мерсерона.

- Силовое поле?

- В походном режиме, сэр.

- Поднять до пятидесяти процентов, – скомандовал капитан. Он окинул экраны датчиков слежения за пространством внимательным взглядом. Какое-то несоответствие привлекло его внимание. – Датчики дальнего обнаружения вот на этот участок. – Через мгновение приказ был выполнен. – Что видите, помощник?

– Э-э... ничего, сэр. Космос пуст. Вот здесь какая-то аномалия, поглощающая излучения сенсоров. Видимо, газовое или пылевое облако высокой плотности.

– С какой скоростью движется эта... м-м... аномалия? – Капитан откинулся на спинку кресла и ядовито посмотрел на офицера.

– С какой скоростью? – переспросил тот, чтобы выиграть время, как ученик, не выучивший урока. – Ну... э-э... О черт!

– Вот именно! – рявкнул Мерсерон. – Чему вас учили семь лет, молодой человек? Это корабль за концентрированным полем, юноша, и через... – капитан снова бросил взгляд на экраны, – через четырнадцать минут они возьмут нас в клещи! Энергетическую установку на полную мощность, и чтобы через три минуты были готовы дать максимальную скорость. Комендоров к орудиям, связь с «Ганимедом». Быстро. Пассажиров не беспокоить – не хватало мне паники на борту.

В рубке возникла суеда, операторы забормотали, повторяя приказания и докладывая о готовности систем.

– «Ганимед» на связи, сэр.

Мерсерон встал перед экраном, заложив руки за спину. Помощник увидел, как ладони капитана сжимаются в кулаки – на экране возник смуглый офицер в форме военного флота. Лицо его было безмятежно.

– Капитан-лейтенант Жилмар. Слушаю вас, господин капитан первого ранга. – Из уважения к прошлым заслугам он назвал Мерсерона по воинскому званию.

– Жилмар, нас преследуют два корабля. Причем один идет, прикрываясь полем отражения. Вы знаете, кто у нас на борту?

Безмятежность исчезла с лица капитан-лейтенанта, будто ее смахнули губкой, как неудачную формулу со школьной доски.

– Вы сможете уйти?

– Нет, черт возьми, не сможем. Если бы могли, я бы не стал вас беспокоить. – Мерсерон вложил в голос весь сарказм, на какой был способен. – Вы способны двигаться?

– Три часа назад дали ход.

– Как скоро вы сможете догнать нас, если мы будем идти с полной скоростью?

– Часа через два, полковник. – Жилмар виновато пожал плечами.

– За два часа нас возьмут на бордаж, если просто не уничтожат!

– Может, не так все плохо, – капитан-лейтенант попытался улыбнуться, – может, встреча случайная?

Кулаки Мерсерона побелели – с такой силой он сжал их за спиной.

– Посчитайте вероятность случайной встречи в открытом космосе, Жилмар. Если величина будет больше отрицательной с семью нулями, я съем свою фуражку без соли, перца и соуса! – неожиданно заорал Мерсерон, потрясая кулаками. – Если вы не подойдете через шестьдесят минут, капитан-лейтенант, готовьтесь сдать командование кораблем в ближайшее время!

– Мы сделаем все, что можно. – Голос Жилмара стал сух и официален. – Какие характеристики кораблей вам известны?

– Никаких, кроме скорости – примерно вдвое против нашей, и один корабль классом не ниже корвета.

– Мы будем через час, полковник, если не взорвется реактор. Я буду постоянно на связи. Удачи! – Экран погас.

Мерсерон постоял, тяжело дыша, затем повернулся к второму помощнику.

– Боевая тревога? – спросил тот.

– Нет, рано. Мы – гражданское судно, и даже пираты не нападают на гражданские корабли без предупреждения.

Кухня в каюте Карен была шикарная, хоть и маленькая. Все, что надо: холодильник, сервировочный столик, лучевая плита, кофеварка. Сандерс нажал на кнопку, и запах молотого кофе ударил в ноздри, будоражащим ароматом растекся по кухне. Он подставил чашку прозрачного магдебургского фарфора, и черная густая жидкость заполнила ее, образовав изумительную нежно-бежевую пену. Он налил кофе во вторую чашку, поставил их на поднос и вернулся в спальню. Конечно, это ошибка – подавать женщине кофе в постель, хотя после первой ночи, и какой ночи, можно и поступиться некоторыми принципами. Например – кофе по собственному рецепту, которым он не часто удостаивал своих партнерш. Обычно на прощание. Жаль, что Веру угостить не успел.

Карен лежала на боку, смятая простыня едва прикрывала ноги, копна волос закрывала лицо, но он помнил, как оно склонялось к нему, и сквозь румянец проступала благодарность за блаженство; как сухие, лихорадочно горящие глаза пытались угадать желание; какой восторг охватил его самого, когда он понял, что они читают мысли друг друга, на эти сладкие и дикие мгновения сделавшись телепатами.

Длинный ворс ковра щекотал босые ступни, тело было легким, словно в невесомости, и он ощущал готовность продолжать игру, вот только чашки кофе не хватало для большей уверенности в себе. Сейчас он это поправит.

– Какой запах, – пробормотала Карен, не двигаясь, – если я сейчас не выпью кофе, я умру.

– Ты выпьешь кофе, а потом мы будем жить дальше. Здесь, в твоей каюте, в этой постели. Мы будем жить долго и счастливо, регулярно, а может, и спонтанно, но в том, что это будет прекрасная жизнь, я уверен. – Он скользнул взглядом по ее телу и ускорил шаги.

Ему показалось, что от покрытого ковром пола ногам передалась мелкая дрожь, он перевел взгляд на поднос с чашками кофе. Пенка разбежалась к краям чашек, и по поверхности жидкости пробежала рябь. Чашки звякнули на блюдцах.

– У вас дрожат руки, профессор. – Карен приподнялась, опершись на локоть, смахнула с лица волосы. – Не торопитесь. Пока я не выпью кофе, ничего вам не обломится.

– Я и не тороплюсь. Я неспешен, как набирающая ход волна, но когда я обрету силу – я смету все, и тогда...

Корабль тряхнуло, Сандерса повело в сторону, чашки заскользили по подносу. Дик остановился, поднял взгляд к потолку, прислушиваясь, потом поставил поднос на прикроватный столик и кинулся собирать одежду, разбросанную по всей спальне.

– Что случилось? – Карен села, спустив ноги с кровати. – Мы натолкнулись на рифы? Рулевого – повесить. Чего ты задержался?

– Нас обстреливают, – буркнул Сандерс, наспех натягивая брюки. – Сиди здесь, я выясню подробности.

– Пираты? – Карен зевнула и, взяв чашку, отхлебнула кофе. – На маршруте Таир – Хлайб? Не смей меня.

Палуба ушла из-под ног, и Сандерс повалился на постель, толкнув Карен. Кофейное пятно расплылось по простыне.

Коротко взревела сирена. Раз, другой...

– Внимание пассажиров! Всем оставаться в каютах, экипажу занять места по боевой тревоге! – раздирая барабанные перепонки, прозвучал голос капитана.

– Ну что я говорил? – Сандерс схватил с подноса чашку, одним глотком выпил кофе, закашлявшись от обжигающей горечи. – Все, я побежал. – Он ткнулся губами в щеку Карен.

– Сказано: сидеть по каютам, – неуверенно напомнила она.

– Меня не касается. Место ученого – в гуще событий. – Застегивая рубашку, Сандерс выскочил в коридор.

У выхода с пассажирской палубы его попытался остановить стюард.

– С дамой из третьей каюты истерика, – сказал Сандерс, – она бьет посуду и выливает кофе на постель. Помогите ей.

Стюард устремился по коридору.

– Извини, дорогая, – пробормотал Дик, направляясь к рубке управления.

В рубке на него поначалу не обратили внимания – каждый занимался своим делом: второй помощник непрерывно докладывал о состоянии корабля; первый, в полурасстегнутом кителе, отслеживал перемещения противника; офицер связи бубнил, пытаясь вызвать нападающие корабли, что после нападения было совершенно необязательно; капитан Мерсерон ругался, поминая чертову службу, собственный корабль, капитан-лейтенанта Жилмара и проклятых пиратов.

– Могу помочь, капитан? – спросил Сандерс.

– Если немедленно исчезнете с мостика! – рявкнул Мерсерон, обратив к нему побагровевшее лицо.

– Кто нас обстреливает?

– А черт его знает!

– А фрегат, который нас сопровождал?

– Будет не раньше, чем через два часа. Шли бы вы в каюту, профессор. Или мне приказать, чтобы вас отвели?

– Я имею военный опыт, полковник. – Сандерс склонился к экранам. – Корабли идентифицированы?

– Нет.

– Позвольте... – Сандерс пробежался пальцами по клавиатуре. – Ага... Это корветы типа «гурия». Не понимаю, почему их нет в вашей базе.

– Это же гражданское корыто! Чьей они принадлежности?

– Год назад их стали производить верфи на Салюсе. – О том, что он добыл для Конторы чертежи и ТТХ корветов до того, как они сошли со стапеля, Дик, естественно, умолчал. – Это свободный мир, но на самом деле находится под протекторатом султаната Регул.

– Черт, слишком долго я в отставке, – покривился Мерсерон. – Но ведь это международный конфликт! Никогда не думал, что Регул сейчас рискнет пойти на это.

– Отнюдь, капитан. Я же говорю: Салюс – якобы свободный мир, и султанат всегда откажется от любых претензий.

– Какое у них вооружение?

– Мелочь я не вспомню, а из тяжелых – четыре «онара» и два «скорпиона». Нам хватит.

Яхта снова содрогнулась. Дик ухватился за спинку кресла, чтобы не упасть. С пункта управления огнем доложили, что корабли противника в зоне поражения «тарантулов».

– Будете отвечать? – спросил Сандерс.

– А что толку? Их защиту я не пробью. Если только станет ясно, что они хотят уничтожить нас, – тогда.

– Силовое поле – сорок пять процентов, мощность падает! – крикнул второй помощник.

На камерах наружного наблюдения уже были ясно видны корабли, перехватившие «Глорию»: повиснув не далее чем в пяти милях с правого и левого борта, они методично крушили защиту яхты.

Мерсерон тяжело вздохнул:

– Ну, вот и все. Внимание на пульте управления огнем: цель – корвет с правого борта, огонь по готовности.

Одновременный залп «тарантулов» завяз в силовом поле корвета, вызвав мгновенную радужную вспышку, и тотчас корабли усилили огонь. «Глория» теперь содрогалась непрерывно, будто ее хлестали огромными невидимыми кнутами, как норовистую лошадь, сбросившую седока.

– Они вызывают нас, сэр, – доложил первый помощник.

Мерсерон смерил его взглядом:

– Застегнитесь, Петреску, вы на мостике, а не на прогулке с девочкой. – Капитан повернулся к экрану связи. – Соединяйте.

Экран остался темным, Мерсерон недоуменно приподнял бровь, но в эту минуту зазвучал голос, говоривший на стар-инглиш с сильным акцентом. Сандерс попытался определить национальность говорившего – он явно раньше слышал этот акцент, с растянутыми гласными. Голос был мягкий, как прикосновение шелка к коже. Он будто извинялся за то, что говорил неприятные вещи.

– Капитан, будьте благоразумны. Прекратите огонь и приготовьтесь принять абордажную группу. Мы не сделаем пассажирам и команде ничего плохого, не усугубляйте ваше положение бессмысленным сопротивлением.

– Я не привык разговаривать с невидимым собеседником, – Мерсерон говорил не спеша, явно пытаясь тянуть время, – назовитесь и определите вашу принадлежность...

– Не вам ставить условия, капитан. Прекратите огонь, в противном случае я не могу гарантировать сохранность вашего корабля и экипажа. Наши орудия

работали на половинной мощности. Даю вам три минуты.

Мерсерон стукнул кулаком по подлокотнику. На щеках заиграли желваки, слышно было, как он скрипнул зубами.

– Мы можем разбить абордажные боты на подходе. «Единороги»... – начал второй помощник.

– И тогда они расстреляют нас, как в тире, – оборвал его Петреску. – Сэр, я считаю, что надо принять их условия. Пусть выгребают корабельную кассу и побрякушки пассажиров. Даже если они выкинут нас в спасательных капсулах и заберут яхту, через час нас подберет «Ганимед».

– Я никогда еще не спускал флага, – проскрипел Мерсерон, – не будет этого и сегодня.

– Я не уверен, что это пираты. Слишком уж согласовано повреждение двигателей сопровождающего нас фрегата и нападение. Боюсь, их цель не деньги и не корабль, а кто-то, находящийся на борту яхты. В таком случае они не оставят свидетелей, – поддержал капитана Сандерс, и в тот же момент его бросило на пульт перед капитанским креслом.

В рубке мигнул свет, половина экранов погасла. Капитан злобно выругался и переключил монитор на контроль повреждений.

Гравитационная волна слизнула с обшивки три «единорога», антенны поля отражения и силового поля, вплавил в корпус выступающие ретрансляторы связи и датчики обнаружения. «Глорию» закрутило вокруг своей оси.

– Силовое поле семь процентов, выведены из строя датчики левого борта, – в голосе первого помощника зазвучала паника, – капитан, принимайте условия.

– Что с орудиями?

– Центральный пункт управления огнем отключился.

– Орудиям – перейти на ручное управление. Связь с «Ганимедом». – Капитан навис над пультом, пытаясь остановить вращение корабля маневровыми двигателями.

Доклады о повреждениях посыпались как из прохудившегося мешка.

– Куда стрелять, мы их не видим!.. дальняя связь не работает... системы наведения вышли из строя, фокусировка орудий сбита...

Сандерс не впервые участвовал в схватке кораблей, и всегда его угнетала собственная беспомощность. Все, что он мог делать, это следить по оставшимся экранам за тем, как неизвестный противник безнаказанно расстреливает яхту. «Глория» снова содрогнулась, бесстрастный механический голос сообщил, что пробита внутренняя обшивка. По кораблю загрохотали, падая в пазы, переборки, разделяя яхту на герметичные отсеки.

– Все, абордаж, – выдохнул первый помощник. Лицо его из бледного стало серым.

Сандерс обернулся к капитану:

– Сколько у вас людей?

– Двадцать три человека плюс пассажиры. Слишком мало. Из личного оружия только всякая парадная муть типа кортиков и ручных скорчеров. – Мерсерон с горечью покачал головой. – Делать нечего, будем ждать гостей.

В рубке воцарилась напряженная тишина. Сандерс тяжело опустился в свободное кресло. Как там Карен? Если обшивку вскрыли, как это обычно делается, возле помещений команды, то пострадать она не должна. Так же, как и Полубой. Интересно, он понял, что происходит?

– Герметичность восстановлена, – хрюкнул репродуктор.

Поползла вверх переборка, открывая выход из рубки.

– Они уже здесь, – пробормотал первый, вжимаясь в кресло.

Мерсерон поднялся, проверил, застегнуты ли пуговицы на кителе, поморщился, проведя рукой по подбородку, и повернулся к двери.

– Без паники, стрелять они не будут. Всем оставаться на местах, говорить буду я, – заявил он, надевая фуражку.

Ждать пришлось недолго. Сандерс ссутулился и прищурил глаза, пытаясь принять вид книжного червя, больше привыкшего находиться в институтской библиотеке, чем в рубке космического корабля. Второй помощник встал позади капитана, вытянувшись, как на параде. Скосив глаза, Сандерс увидел, как дрожат его пальцы, прижатые к канту на форменных брюках. Операторы замерли на своих местах, первого помощника одолела нервная икота, он старался справиться с ней и от этого икал еще громче. Мерсерон брезгливо покосился на него.

– Вдохните поглубже, Петреску, и задержите воздух, – посоветовал он.

Дверь рубки бесшумно уехала в стену, и в проеме возникли стволы двух плазмобоев. Петреску мучительно громко икнул. «Стрелять не будут, – убеждал себя Сандерс, – двигатели в маршевом режиме, не дураки же они – смещение силового каркаса порвет всех на тряпочки». Впрочем, для штатских крыс, каковых, вероятно, собирались встретить здесь пираты, покрытые окалиной раструбы плазмобоев должны были выглядеть более чем внушительно...

Спустя несколько мгновений плазмобои исчезли, и рубка заполнилась людьми в абордажных скафандрах с откинутыми за спину шлемами. Сноровисто выдергивая офицеров из кресел и слегка подкалывая в спину абордажными саблями, они построили команду вдоль стены. Поводя плазмобоями, двое десантников замерли возле двери, причем, как заметил Сандерс, оружие было на предохранителях. Он по привычке оценил оснащенность и вооружение нападавших. У всех были широкие сабли, чуть изогнутые в верхней трети к спинке клинка. Блики полированного металла разбежались по рубке солнечными зайчиками. Скафандры были старые – двойные, полужесткого типа, армированные титановой нитью. В Содружестве их не применяли уже более двадцати лет. Экзоскелетный скафандр был только на одном – плотном невысоком крепыше с иссиня-черными, коротко стриженными волосами. Тонкие губы кривились на смуглом лице, когда он оглядывал команду «Глории». Его оружие было в ножнах, и Сандерс отметил необычно малую кривизну клинка по

сравнению с абордажными саблями десантников.

Мерсерон шагнул вперед:

– По какому праву вы подвергли неспровоцированному нападению гражданский корабль? Я заявляю решительный протест и...

– Не трудитесь, капитан, – мужчина поднял руку, прерывая речь Мерсерона, – мне на наши протесты плевать. За то, что вы осмелились сопротивляться, я мог бы выбросить вас в открытый космос, однако я отдаю должное вашей отваге и оставляю жизнь вам и вашему экипажу. Мне нужен судовой журнал, а также, – он ухмыльнулся, – все ценности, имеющиеся на борту корабля. После этого можете следовать своим курсом. Если сможете. А сейчас попрошу ответить на несколько вопросов. Пункт назначения?

Сандерс узнал голос – этот человек говорил с Мерсероном, требуя прекратить сопротивление «Глории», и он снова утвердился в мысли, что это не пираты. Капитан корабля редко посещает взятое на абордаж судно – мало ли что, а с конфискацией груза может справиться и командир абордажной группы.

– Планета Хлайб, пассажирский рейс, – сквозь зубы процедил Мерсерон.

– Пассажиры?

– Десять человек. Двое ученых, остальные туристы.

– Должно быть, богатые туристы, если зафрахтовали правительственную яхту, а, капитан? Судовая касса?

– В кают-компании.

– Я могу проводить, – выступил вперед первый помощник, – я знаю шифр.

Мужчина сделал знак, и двое десантников, подхватив Петреску под локти, вывели его из рубки.

– Всегда приятно встретить разумного человека, – прокомментировал предводитель.

Один из десантников, колдовавший над терминалом главного компьютера, обернулся к нему и сказал несколько слов. Хотя Сандерс и не знал этот язык, но что говорят на фарси, определить было несложно. Собственно, он был готов к этому, когда опознал атакующие корабли.

Мужчина склонился к экрану и через некоторое время выпрямился, удовлетворенно улыбаясь:

– Да, я не ошибся. Пассажиры у вас достаточно известные личности. Насколько я знаю, вас сопровождал фрегат, капитан. Так вот, чтобы у него не возникло желания преследовать нас, мы заберем одного-двух человек в качестве гарантии безопасности...

– Вы идете по пути Агламбы Керрора. Если вы вспомните, как он закончил свою карьеру...

– Мы не собираемся никого убивать, капитан. Мы не кровожадны. – Мужчина коротко хохотнул, показав ослепительно белые зубы. Он явно упивался властью над безоружными людьми и, наверное, в этот момент чувствовал себя чуть ли не Господом Богом: мог подарить жизнь, а мог и отнять. – Этих людей мы высадим на одной из нейтральных планет. Их путешествие несколько затянется, вот и все.

В рубку вернулся Петреску с одним из провожатых. Десантник в ответ на вопросительный взгляд командира кивнул.

– Ну что ж, господа, на этом наш визит заканчивается. Я попрошу вас проводить меня до шлюза, если вы не против.

Людей сбили в кучу, заставив заложить руки за голову, и повели к корабельному шлюзу, куда пришвартовался один из десантных ботов. В коридоре на пассажирской палубе Сандерс, старающийся держаться в середине группы, увидел сбитых в кучу пассажиров под охраной нескольких десантников с обнаженным оружием. Он встретился взглядом с Карен – она стояла, как и все, положив руки на затылок. Дик едва заметно кивнул ей, пытаясь успокоить.

Карен закусила губу. Эльжбет жалась к Паоло, будто он мог помочь ей, Юджин и Карл, как обычно, держались рядом. Анжела Янсен и Ахмет-Гирей стояли немного в стороне от всех. Платье Анжелы было порвано, у Ахмет-Гирея была рассечена бровь и глаз стремительно заплывал опухолью. Полубоя среди пленников не было.

Мерсерон обвел всех взглядом:

– Господа, приношу вам свои извинения за столь неудачный рейс. Позвольте также...

– Извиняться следует мне, – мужчина отстранил капитана, – но я не стану. Каждый промышляет как может...

Ахмет-Гирей рванулся к нему. Двое десантников повисли на его плечах. Он закричал что-то на фарси, обращаясь к предводителю пиратов. Из всего услышанного Сандерс разобрал только имя – Юсуф. Мужчина что-то резко ответил, и тогда Ахмет-Гирей заговорил на стар-инглиш. Он торопился, изо рта летела слюна, глаза сверкали бешенством, незаметный до сих пор акцент прорезался в его речи:

– Это не пираты, не верьте ему. Они никого...

Его резко ударили в висок наверху сабли. Ноги Ахмет-Гирея подогнулись, и он повис на руках державших его десантников. Закричала Анжела Янсен, взвизгнула Эльжбет.

– Молчать всем! – заорал Юсуф.

На пассажиров и команду посыпались удары, тычки остриями клинков. Сандерсу досталось саблей плашмя вдоль спины, он зашипел от боли, стараясь казаться жалким и испуганным. Последнее было изобразить легко – выхода из создавшейся ситуации он не видел. Теперь уже было ясно, что нападение на «Глорию» имело целью захватить Ахмет-Гирея, а после таких нападений свидетелей не оставляют. Или всех выбросят из шлюза, или расстреляют яхту из орудий.

Офицеров и пассажиров согнали на верхнюю пассажирскую палубу, расставили парами и в окружении десантников погнали к выходному шлюзу. Мерсерон обернулся к Юсуфу:

- У меня был еще один пассажир!

Сандерс мысленно заплодировал капитану – его и самого подмывало спросить, где Полубой. Он видел впереди весь коридор пассажирской палубы. Все стилизованные под красное дерево двери были распахнуты, и лишь одна оставалась закрытой. Дверь их с мичманом каюты. Юсуф равнодушно пожал плечами:

- Сожалею. Герметичная переборка одной каюты не поднялась после того, как мы наложили заплаты на пробоины, и давление пришло в норму. Следовательно, за ней космос, капитан. Если пассажир был там, а больше его нигде нет – команду мы заперли в ангаре, значит ему не повезло.

- Будьте вы прокляты.

Сандерс с удовольствием присоединился бы к проклятию Мерсерона, если бы это помогло Полубою. Жаль мужика, он начинал нравиться Дику. Были в нем какая-то спокойная уверенность, основательность и надежность, как в тяжелом танке. «Я ни разу не терял напарников, – вдруг подумал Сандерс. – Правда, и напарники у меня были, только когда я начинал работать. Но он был русский! Скандал... Как я буду докладывать Вилкинсону?» – подумал он и тут же спохватился. Похоже, если его логические выкладки верны, доложить он просто-напросто не сможет. «Ганимед» подберет на месте боя несколько обломков, и к случаям внезапного и необъяснимого разрушения космических кораблей будет добавлено еще одно название: яхта «Глория», порт приписки – Таир, Республика Таир. Хотя нет, Мерсерон, кажется, успел передать, что его атакуют. Эх, если бы «Ганимед» был хоть чуть-чуть ближе... Вольно же было капитану лететь без сопровождения.

Пленники вытянулись по коридору по двое в ряд, сопровождаемые охраной. Сандерс оказался рядом со вторым помощником. Мальчишка шел, сжав зубы, на скулах играл нездоровый румянец то ли от стыда, то ли от страха. Дик легонько толкнул его локтем. Парнишка, словно на прогулке в парке, повернул к нему голову и сказал чуть ли не во весь голос:

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/nikolaev_andrey/ohota-na-ohotnika

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)